

Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южнорусскихъ фамилій въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII в.

(Писано на Евгеніево-Румянцевскую премію).

Знакомому съ южно-русскою литературою XVII вѣка извѣстно, какую важную роль играло въ ней описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ—*клейнодовъ*, какъ тогда большею частію называли ихъ. Отгравированные гербы и толковательныя къ нимъ эпиграммы помѣщались на оборотѣ, а иногда и на лицевой сторонѣ, заглавнаго листа почти каждой, выходящей въ то время, книги, какого бы содержанія она ни была; герботолкованіе входило, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ паперики, иногда—посвятительныя до магнатовъ *предмовы* (предисловія въ книгахъ), эпитафій и нѣкоторыя другія, преимущественно мелкія, произведенія; даже въ проповѣдяхъ, произносимыхъ при погребеніи знатныхъ лицъ, проповѣдники считали весьма приличнымъ обращать вниманіе на гербъ умершаго и заниматься разъясненіемъ символическаго значенія его атрибутовъ. Цѣль нашего сочиненія—съ одной стороны указать причины, вызвавшія и поддерживавшія это, странное для нашего времени, явленіе въ южнорусской литературѣ XVII в., а съ другой, выяснить характерныя, имѣющія научный интересъ, черты оного.

Но, прежде чѣмъ приступимъ къ рѣшенію предпринятой нами задачи, мы считаемъ необходимымъ предпослать ему краткую

характеристику польскихъ герботолкованій. Необходимость такого плана въ нашемъ сочиненіи обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что описаніе и истолкованіе гербовъ въ южно-русской литературѣ XVII в. не было явленіемъ самобытнымъ, свободнымъ отъ чуждыхъ элементовъ, но привилось къ ней чрезъ вліяніе сосѣдственной Польши и носигъ на себѣ явные слѣды этого вліянія.

Въ Польшѣ не было рыцарства, подобнаго западно-европейскому, и установленій тѣсно съ нимъ связанныхъ, по этому и гербы въ этой странѣ не могли образоваться самостоятельно, изъ туземныхъ элементовъ, да и будучи привнесены извнѣ ¹⁾ — не могли найти въ ней благопріятныхъ условій для своего развитія ²⁾. Такъ дѣйствительно и было, если смотрѣть на дѣло

¹⁾ Появленіе въ Польшѣ гербовъ, въ современномъ значеніи этого слова, относится къ XIV в. Причина появленія—сближеніе съ западно европейцами и органическое усвоеніе выработанныхъ ими началъ *Herbarz polsk. K. Niesieckiego W. przez Bobrowicza 1846. т. I, 496, 534 и 537*).

²⁾ Для поясненія сейчасъ сказаннаго, а равно для надлежащаго пониманія нѣкоторыхъ и другихъ мѣстъ въ нашемъ сочиненіи, считаемъ необходимымъ сообщить здѣсь нѣсколько элементарныхъ геральдическихъ свѣдѣній:

Дворянскіе гербы, въ современномъ значеніи этого слова, обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ средневѣковому рыцарству. Рыцарское вооруженіе, совершенно скрывавшее всадника отъ взоровъ зрителей, дѣлало необходимымъ употребленіе на его оружіи символическихъ знаковъ, по которымъ можно было бы узнавать—кто онъ. Съ одной стороны такая необходимость употреблять на оружіи символы, вызываемая вооруженіемъ рыцарей, а съ другой сродное человѣку желаніе увѣковѣчить въ потомствѣ память о подвигахъ

съ научной точки зрѣнія. Система польскихъ гербовъ рѣзко отличается отъ системы гербовъ западно-европейскихъ, какъ своимъ

предковъ или своихъ собственныхъ, — были причинами, побудившими къ обработкѣ гербовъ, къ укрѣпленію за каждымъ благороднымъ родомъ той эмблеммы, которая была избрана его представителемъ. Известно, что самое благоприятное время для развитія рыцарства были XI и XII вѣка; къ этому же времени относится и появленіе дворянскихъ гербовъ въ современномъ значеніи этого слова. (Собственно символическіе знаки не чужды были ни одной странѣ, ни одному народу древности; но современная геральдика, вопреки мнѣнію средне-вѣковыхъ гербовѣдцевъ, не находитъ въ нихъ идеи о гербахъ, — такъ какъ древніе эмблеммы не считались непремѣнною принадлежностію воина, не переходили по наслѣдству въ родъ и не оставались его достояніемъ, т. е. не имѣли тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ гербъ въ современномъ значеніи этого слова). По изысканіямъ Бенедиктинцевъ самая древняя гербовая печать привѣшена была къ одной грамотѣ Роберта, графа Фландрскаго въ 1072 г. (Mogeri. Le grande dictionaire t. I, pag. 636). Послѣ рыцарства между событіями, давшими толчекъ развитію дворянскихъ гербовъ, первыя мѣста принадлежатъ *турнирамъ* и *крестовымъ походамъ*. Къ первымъ, какъ известно, допускались только лица благороднаго происхождения, вслѣдствіе чего имъ всегда предшествовалъ судъ, производимый геральдическою комиссіею надъ гербомъ рыцаря, желавшаго принять участіе въ означенномъ состязаніи; критика герба производилась съ особенною тщательностію людьми, спеціально къ тому приготовленными, что, разумѣется, много способствовало развитію геральдики, какъ науки. Последніе же принесли услугу гербовѣденію тѣмъ, что обогатили его многими новыми символами и гербовыми атрибутами, потому что крестоносцы, видя во время своего путешествія новые, предметы въ память о походѣ вносили ихъ въ свои гербы.

Гербъ, какъ символическій знакъ, заключающій въ себѣ опредѣленную идею, находился въ самой тѣсной связи съ жизнію лица,

чрезвычайно простымъ составомъ, такъ и тѣмъ, что въ ней каждый гербъ, нося свое названіе, употребляется множествомъ раз-

имѣннаго оный; но немъ, какъ по открытой книгѣ, читали съ кѣмъ ведутъ дѣло, въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ замѣчательные подвиги и выдающіеся проступки его владѣльца. Потому что какъ всякое особенно славное дѣяніе, совершенное рыцаремъ, давало ему право внести въ свой гербъ новую, соотвѣтствующую подвигу, эмблему или измѣнить (къ лучшему) прежнюю,—такъ, наоборотъ, проступокъ витязя влекъ за собою или умаленіе щита (у труса напр. срѣзывали правый уголъ щита, у того, кто убивалъ военнопленнаго, укорачивали щитъ въ ногахъ) или лишеніе прежней красоты его гербовыхъ эмблемъ (напр. Жанъ д'Авенъ, оскорбившій свою мать, долженъ былъ, по приказанію Людовика святаго, сохраняя въ гербѣ изображеніе льва, носить его впредь безъ высунутаго языка и когтей, какъ оказавшійся недостойнымъ такой чести). За особенно же важные проступки, пятнавшіе честь рыцаря, его совершенно лишали гербовыхъ знаковъ. Вслѣдствіе такой тѣсной связи, существовавшей на западѣ Европы, между жизнію рыцаря и его гербомъ,—то огромное уваженіе, какимъ пользовалось въ глазахъ современниковъ рыцарство, перешло и на его гербы; изученіе послѣднихъ сдѣлалось самою модною наукою (Ménétrier въ посвященіи своего сочиненія «La methode du blason» (изд. въ Лионѣ, 1689 г.) дофину Франціи говорить: Monseigneur, *il n'est rien si digne de l'aplication d'un jeune Prince que de connoitre la Noblesse et les marques qui la distinguent*). Явились любители—труженики, съ ревностію занявшіеся разработкою геральдики во всевозможныхъ отношеніяхъ и видѣвшихъ въ ней пучину премудрости. «Изученіе гербовъ, говоритъ одинъ изъ такихъ, тружениковъ, Scohier Chanoine de Nons въ своемъ *L'étude du blason*, есть бездна (un abyme) и что тотъ, кто тщательно занимается этою наукою 30 или 40 лѣтъ, всегда находитъ предметъ для изученія» (Moréri Le grand. dict. t. II, p. 300). Иезуитъ *P. Bouchours* простосердечно увѣрялъ (въ *Entretiens d'Ariste et d'Eugène*), что одинъ только девизъ есть уже очеркъ чудесъ (idem). Неудивительно,

ныхъ фамилій, и такимъ образомъ теряетъ ту тѣсную, неразрывную связь съ личностію владѣльца, которая существуетъ на западѣ Европы, теряетъ тѣ особенности, которыя способствуютъ развитію геральдики, какъ науки. Но если отсутствіе рыцарства въ Польшѣ было причиною того, что правильное научное развитіе геральдики не могло имѣть въ ней мѣста, то та сильная любовь, которую питало дворянство къ своимъ гербамъ на западѣ Европы, вполне привилась къ сердцамъ честолюбивыхъ польскихъ пановъ и заняла въ нихъ самое почетное мѣсто. Польская шляхта, обзаведшись гербами, назвала ихъ *клеюдами*, т. е. драгоценностями, и своими поступками вполне оправдывала такое назва-

что при такомъ взглядѣ на предметъ знаменитый геральдикъ Мёпестриеръ, жившій въ половинѣ XVII в., могъ собрать въ своей библиотекѣ до 300 геральдическихъ, на разныхъ языкахъ, сочиненій (— idem).

По правиламъ западной геральдики, гербъ можетъ принадлежать только одному лицу (даже у двухъ родныхъ братьевъ гербы не могутъ быть совершенно одинаковы) и, будучи правильнымъ, долженъ имѣть слѣдующія существенныя части:

1) *Щитъ* (*écu*), *землю*, на которой обыкновенно изображается та или другая эмблема. При разсмотрѣніи щита, геральдика обращаетъ вниманіе: а) на его *форму*, онъ можетъ быть круглымъ (англійскій), продолговатымъ (итальянскій), съ маленькою выемкою на верху (германскій), плоскимъ сверху и закругленнымъ снизу (испанскій), наконецъ четырехугольнымъ или сердцеобразнымъ (французскій), и б) *дѣленіе*: щитъ можетъ быть или не раздѣленъ, въ каковомъ случаѣ называется *простымъ* (*Simple*); или же онъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько раздѣленій, окрашенныхъ различно, и тогда называется сложнымъ (*écu composé*).

2) *Краски, металлы и мѣха*, покрывающіе щитъ.

3) *Эмблему*, т. е. фигуру, изображаемую на щитѣ.

4) Внешнія украшенія, окружающія щитъ, куда относятся: а) короны и шапки, б) шлямы, в) бурелеты, г) наметы, д) нащлемники, е) щитодержатели, ж) мантия, з) шнуры и и) девизъ.

ніе: она смотрѣла на нихъ какъ на одну изъ отличительнѣйшихъ особенностей своего сословія, придавала имъ значеніе первой важности, какъ предметамъ родового отличія, знакамъ благородства, почета и служебныхъ правъ. Гербъ сдѣлался какъ бы фокусомъ, въ которомъ сливались все лучи шляхетской гордости; изображеніе его помѣщалось всюду — на печати, посудѣ, ливреѣ, экипажѣ, домѣ и другихъ предметахъ ¹⁾, кончая катафалками и надгробными памятниками. При появленіи каждаго гербовника, на улицахъ Варшавы дѣлалась толкотня; все съ жадностію покупали и читали геральдическое сочиненіе, — и горе гербовнику, не удовлетворяющему шляхетской гордости! До чего доходила въ этомъ случаѣ гербоманія шляхты, показываетъ поступокъ ея съ геральдическимъ сочиненіемъ Попроцкаго — *Herbu rycerstwa polskiego*: не милосердо вырывались изъ него листы всякій разъ, когда какой нибудь шляхтичъ находилъ гербъ свой на листѣ бургомистровъ, или замѣчалъ, что онъ не совсемъ точно оттиснутъ (мало, напр., положено на шлемѣ страусовыхъ перьевъ, *głównik* помѣщенъ выше *stremie* и т. п.), или не встрѣчалъ въ немъ повторенія своей нелѣпой родословной. Нѣкоторые же рѣшались даже, на мѣсто вырванныхъ изъ гербовника листовъ, вставлять въ него новые, ими самими отпечатанные (такихъ вставокъ насчитываютъ до 150), такъ что въ настоящее время почти нѣтъ никакой возможности найти два сходные между собою экземпляра означеннаго сочиненія ²⁾. Не меньшую любовію къ гербамъ одержимо было и высшее польское духовенство. «Священникъ, говоритъ *Себастьянъ Кленовичъ* въ своемъ сочиненіи *Victoria deorum*, за чѣмъ и тебя привлекаетъ это шляхетство: вырѣзаешь чудовищныхъ звѣрей на гербовой печати, травы, гербы и

¹⁾ Даже на одеждѣ (исторія цивилизаціи Германіи *I. Шерра* стр. 111), такъ что польскіе паны и панни изображали изъ себя какъ бы ходячіе учебники геральтики.

²⁾ *Historia literatury polskiej, Michała Wiszniewskiego* t. VII. 503.

какія-то чудовища, выдѣлываешь изъ воску, рисуешь ихъ красками и думаешь, что тотъ недостойнъ епископской тиары, кто не украшенъ драгоценными камнями и старымъ пергаментомъ. Неужели слуги Христовы могутъ ходить въ золотѣ, когда Христосъ ходилъ босымъ, жилъ въ бѣдности и спасъ міръ, не имѣя гербовыхъ знаковъ? Если вы преемники бѣдныхъ рыбаей, почему бы лучше не цвѣсти у васъ благочестію, вмѣсто родовою гордости и гербовъ раззолоченныхъ?» ¹⁾.

Такъ какъ литература въ Польшѣ служила преимущественно цѣлямъ высшихъ сословій, то гербоманія, обхватившая польское шляхетство, не могла не отразиться и на ней. Явились, говорить Вышневецкій, льстецы (*podchlebcy*), которые, подобно придворнымъ историкамъ Людовика XIV, пресмыкаясь предъ сильными міра, старались удовлетворить ихъ испорченному вкусу ²⁾. Правда, были и исключенія, — находились люди, подобные Кленовичу, которые вооружались противъ укореившагося гербообожанія, но ихъ единичные голоса были заглушаемы гуломъ массы, на разные лады вторившей музыкѣ сильнаго и щедрой рукой воскурявшей имѣямъ предъ гербами ясновельможной знати.

Особенно ревностными дѣятелями на поприщѣ панегиризма шляхетскимъ клейнодамъ показали себя іезуиты... Извѣстна та эластичность, та легкая примѣняемость къ обстоятельствамъ времени и мѣста, которою вполне обладаютъ сыны Лойолы. «Нѣтъ, говоритъ Кояловичъ, такой земной силы, нѣтъ такихъ началъ жизни, къ которымъ бы іезуитство не примкнуло и не постаралось обратить ихъ въ свою пользу. Преобладаетъ ли въ странѣ государственная, правительственная сила, іезуиты являются проповѣдниками монархизма, абсолютизма; преобладаетъ ли въ народѣ сила общественная, іезуиты проповѣдуютъ свободу, равно-

¹⁾ Исторія польской литературы *Кондратовича*, т. II, 264.

²⁾ Hist. lit. pols. t. VII, 504.

правность; развивается ли крайнее направление силъ общественныхъ или личныхъ, подготавливается ли революція, іезуиты подаютъ руку демагогамъ, тайнымъ обществамъ» ¹⁾. Своему основному принципу іезуиты не измѣнили и въ Польшѣ; призванные въ нее кардиналомъ Гозиушемъ (1564 или 66 г.), они, хотя своимъ распространеніемъ въ этой странѣ и были обязаны преимущественно королевской власти, но понявъ, что главную силу государства составляетъ не король, а вельможество, примкнули къ сему послѣднему и стали стараться заслужить благоволеніе именно съ этой стороны. Вслѣдствіе этого дѣятельность іезуитскаго ордена въ Польшѣ приняла характеръ подлаживанія подъ тонъ знати. Но чѣмъ болѣе всего можно было угодить польскому вельможеству, какъ не прославленіемъ его гербовыхъ клейнодовъ?—Іезуиты были глубокіе знатоки человѣческаго сердца; они поняли это, и—выразимся словами одного составителя польской литературы,—цѣлые полтора ста лѣтъ наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго предъ панами и ихъ клейнодами ошмѣма. Гербы толковались и восхвалялись ими почти всюду—въ проповѣдяхъ, надгробныхъ эпитафіяхъ, панегирикахъ, предмовахъ къ книгамъ, рѣчахъ и нѣкоторыхъ другихъ преимущественно мелкихъ произведеніяхъ.

Но гербоманіею польской шляхты вызваны были не одни только мелкіе панегирики дворянскимъ клейнодамъ; она была причиною появленія въ Польшѣ и болѣе крупныхъ литературныхъ явленій. Мы говоримъ о гербовникахъ ²⁾. Находились люди, брав-

¹⁾ Лекціи по Ист. зап. Россіи, стр. 223—224.

²⁾ Сочиненія по части генеалогіи и геральдики начали появляться въ Польшѣ еще въ XV в. (Wiszniew. Hist. lit. pols. t. VII, 504; но преимущественное вниманіе было обращено на эти предметы въ XVI и XVII стол., т. е., въ то время, когда гербоманія шляхты приняла самые широкіе размѣры. Къ этому періоду относится, меж-

шіе на себя трудъ описывать всѣ дворянскіе гербы и фамиліи короны польской, а также земель ей подвластныхъ, и употребленіе для осуществленія означенной цѣли многіе годы, роясь въ архивной пыли, ѣздя для просмотра библіотекъ по монастырямъ, приходамъ, магнатамъ и т. д. Впрочемъ не научный интересъ руководилъ и польскими геральдистами при ихъ усиленныхъ трудахъ; вызванные къ означенной дѣятельности настроеніемъ общества, одержимаго гербоманією, они, подобно составителямъ мелкихъ герботолкованій, смотрѣли на свои занятія какъ на *хлѣбное* ремесло, средство къ обогащенію. «Симонъ Окольскій, жаловался одинъ изъ современныхъ сему геральдисту магнатовъ, издалъ *Orbem polonem*—страшный хаосъ; его можно назвать *fiat lux*. Смѣшалъ горохъ съ канустою, обидѣлъ множество фамилій, расно какъ и мою: *видно предки мои не подкупили его (kuku w ruki)*; за то въ другихъ случаяхъ не покупились на похвалы» ⁴⁾.

Наши гербовѣдцы, говорятъ одинъ польскій историкъ, одною рукою писали свои сочиненія, а другою собирали золотушки и червонцы отъ тѣхъ, кого надѣляли титулами, или въ чьи жилы вливали вымышленную кровь» ⁵⁾.

Какъ же описывались и истолковывались въ указанныхъ нами произведеніяхъ польской литературы шляхетскіе клейноды?

ду прочимъ, появленіе и двухъ знаменитыхъ польскихъ гербовниковъ: *Папроцкаго*—*Gniazdo snoty zkad herby rycerstwa slawnego krolewstwa polskiego...* początek swoy mają (Krak. 1550), чрезъ 34 года изданное подъ заглавіемъ: *Herby rycerstwa polskiego na pięciorgo ksiąg rozdzielone* Krak. 1584), и *Окольскаго*—*Orbis polonus* (1641—46 г.).

⁴⁾ *Wiadomości historyczno—krytyczne do dziejow liter. polsk. I. Ossolinskiego t I, 181.* Также см. Исторію польск. лит. *Кондратовича*.

⁵⁾ *Соврем. 1858. № 9, отд. I, стр. 50.*

Постараемся дать отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, въ краткихъ словахъ—на сколько это необходимо для главной цѣли нашего сочиненія, не пускаясь въ особенные подробности.

1) Прежде всего замѣтимъ, что собственно *описаніе* гербовыхъ клейнодовъ можно встрѣтить только въ произведеніяхъ послѣдняго рода т. е. гербовникахъ. Здѣсь геральдисты, помѣщая отгравированные гербы, вмѣстѣ съ тѣмъ и *описывали* ихъ, т. е. сообразуясь съ правилами геральдики, перечисляли признаки и особенности ихъ существенныхъ частей—щита, красокъ, эмблемъ и вышнихъ украшеній. Но напрасно сталъ бы кто искать подобныхъ гербоописаній въ эпитафияхъ, панегирикахъ, надгробныхъ проповѣдяхъ, посвященныхъ до магнатовъ предмовахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ не геральдическихъ сочиненіяхъ, гдѣ обращалось вниманіе на шляхетскіе клейноды. Въ этихъ произведеніяхъ гербы *никогда не описывались*, а только указывались нѣкоторыя ихъ части; говорилось напр., что у такого-то пана или фамиліи въ гербовомъ клейнодѣ находится стрѣла, колонны и т. п. Но—и только; какова форма щита, его дѣленіе, краски, вышнія украшенія, даже геральдическое положеніе эмблемы, — обо всемъ этомъ, большею частію, не говорилось ни слова. Дѣло въ томъ, что панегиристы магнатовъ, обращая вниманіе на ихъ гербовые знаки, имѣли при этомъ въ виду не какія либо научныя цѣли, даже не драпировались ими подобно геральдикамъ, но, сообразуясь съ господствовавшими въ то время вкусами, желали только восхвалить своего патрона чрезъ истолкованіе его гербоваго клейнода, и потому, для осуществленія своей цѣли, брали во вниманіе тѣ части онаго, которые, по ихъ понятіямъ, болѣе представлялись къ тому годными, остальные же оставляли безъ разсмотрѣнія и даже упоминанія. Такимъ образомъ собственно объ *описаніи* шляхетскихъ клейнодовъ въ польскихъ герботолкованіяхъ, исключая, разумѣется, помѣщенныхъ въ гербовникахъ, не можетъ быть и рѣчи. Правда, и тѣ отрывочныя указанія на гербовые

знаки, которыя встрѣчаются въ означенныхъ произведеніяхъ могли бы принести услугу для геральдики, но только въ томъ случаѣ, если бы были единственными въ этомъ родѣ памятниками; при оригиналѣ же (разумѣмъ гербовники), какъ извѣстно, копіи, да при томъ еще плохія теряютъ почти всякое значеніе.

II. Что касается до *герботолкованій*, которыми такъ изобилуетъ разсматриваемый нами отдѣлъ польской литературы, то онѣ, не исключая даже помѣщенныхъ въ гербовникахъ, не представляютъ ничего подобнаго западно-европейскимъ *Helmesschau*, *Tournierschau*, гдѣ твердо составленныя правила, ограничивая и дѣлая невозможнымъ даже малѣйшій произволъ при истолкованіяхъ, придавали послѣднимъ не только геральдическое, но даже историческое значеніе. Это были, — что, разумѣется, обусловливалось главнымъ образомъ утилитарнымъ взглядомъ польскихъ герботолкователей на свои занятія, — не болѣе какъ панегирики шляхетскимъ клейнодамъ и фамиліямъ, ихъ имѣвшимъ, отличавшимся отъ прочихъ подобныхъ произведеній преимущественно только тѣмъ, что въ нихъ за исходную точку панегиризма брались большею частію гербовые атрибуты (въ особенности эмблеммы) и уже къ нимъ, почти всегда совершенно произвольно, путемъ схоластическихъ пріемовъ, прилѣплялось сообразное съ желаніями автора содержаніе (похвала). Такимъ образомъ и герботолкованія польскія, подобно гербописаніямъ (въ мелкихъ произведеніяхъ), не представляюгъ ни малѣйшаго геральдическаго интереса, — и потому, если обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователя, то обращаютъ его совершенно другою стороною, именно — какъ любопытныя *литературныя памятники*, характеризующіе современную имъ эпоху. Очевидно, что только въ послѣднемъ отношеніи онѣ и могутъ быть интересны ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробное развитіе этой мысли мы представимъ въ

Такъ какъ мы предположили говорить о польскихъ герботолкованіяхъ на столько, на сколько это необходимо для главной цѣли нашего сочиненія, то, обращая вниманіе на внутренній характеръ сихъ произведеній, считаемъ достаточнымъ ограничиться однимъ общимъ, уже высказаннымъ нами взглядомъ на оный, т. е. что это—*панегирики* шляхетскимъ клейнодамъ и фамиліямъ, ихъ имѣвшимъ; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не выставить здѣсь на видъ одной частной черты въ разсматриваемыхъ нами произведеніяхъ, которая, хотя и не основывается на изъясненіи и истолкованіи клейнодовъ, но, не смотря на это, входитъ въ польскую герботолковательную литературу, какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ, какъ нѣчто господствующее въ ней. Черта эта, съ которою мы встрѣтимся при разсмотрѣніи и южно-русскихъ герботолкованій, есть стремленіе выставять на видъ, какъ особенно цѣнныя качества—*старошитность* клейнода и фамиліи, его имѣвшей, а равно *благородство* (защисгъ) последней. Польскіе геральдики, говоря о происхожденіи гербовъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы вывести ихъ изъ самой глубокой древности, напр. отъ временъ Ноя ¹⁾, или, если это, не смотря на все пренебреженіе историческою критикою, сдѣлать неудобно, то по крайней мѣрѣ изъ древней Греціи. Рима, но только непремѣнно отъ временъ давнопрошедшихъ ²⁾; излагая шляхетскія генеалогіи, производятъ большую часть фамилій тоже изъ древнихъ государствъ, преимущественно Римской имперіи и производятъ непремѣнно отъ лицъ благородной крови—богатырей, императоровъ, полководцевъ и т. д. ³⁾. Подобное же явленіе и

второмъ отдѣлѣ нашего сочиненія, при разсмотрѣніи южно-русскихъ герботолкованій.

¹⁾ Orb. polon. t. I, 414.

²⁾ Idem. I, 177. 122. 198. II, 2. 38. 62. 103. 107. 134. 225. 269. III, 2 и мн. др.

³⁾ Idem. II, 229. III, 8 и друг.

въ мелкой герботолковательной литературѣ. Гербо-изъяснительныя эпитагмы озаглавливаются почти всегда такъ—*на старо-жытний* клейнодъ *презачной* фамиліи такой-то (*na starozytny kleynot prezacznego domu; in perantiquum stemma illustrissimae gentis* и т. п.; упоминаніе о древности герба и фамиліи, а также благородствѣ послѣдней входитъ почти всегда и въ самыя эпитагмы, а равно и другія мелкія произведенія; иногда же панегиристъ, обращая вниманіе на гербовой клейнодъ восхваляемой фамиліи, исключительно только и останавливается на доказательствѣ и прославленіи означенныхъ качествъ ¹⁾).

Примѣчаніе. Сейчасъ высказанная нами черта въ польской герботолковательной литературѣ обуславливалась духомъ того времени. Самохвалство старожитностію и благородствомъ происхожденія, имѣвшее мѣсто на западѣ Европы, вполнѣ было усвоено поляками и сдѣлалось душою ихъ гордости. «Народъ, равно какъ и шляхтичъ, говоритъ Вишневецкій, для возвышенія своего происхожденія, старались возводить его ко временамъ сколько возможно отдаленнымъ» ²⁾. Въ примѣръ того, до какой степени доходила въ этомъ случаѣ безцеремонность поляковъ по отношенію къ фактамъ, даже въ историческихъ сочиненіяхъ укажемъ на произведеніе Войцѣха Деболенскаго (*Wojciech Deboleński*) *Wywód iedynowlasnego państwa świata* (Warsz. 1633 г.) ³⁾; въ немъ ученый докторъ теологіи доказываетъ, что Польское королевство есть самое стародавнее въ Европѣ, что только оно одно имѣетъ истинное право на наслѣдство Адама, Сифа и Иафета, что Польша предопредѣлена еще въ раю господство надъ вселенною, почему поляки и называются сарматами и что языкъ

¹⁾ См. напр. панегирическую проповѣдь Млодзяновскаго въ Трудяхъ Кіев. дух. Академіи за Декабрь 1870 г. стр. 565.

²⁾ Hist. lit. pols. t VII, 352.

³⁾ Полное заглавіе смотр. въ Hist. literat. polsk. t. VII, p. 354.

польскій есть самый первый по древности на свѣтѣ (*język słowieński pierwoŹny jest na świecie*) ¹⁾. Что же касается до благородства происхожденія, то и это качество въ глазахъ шляхты имѣло не менѣе вѣса, чѣмъ и старожитность. Шляхтичъ того времени видѣлъ между собою и хлопомъ непреходимую бездну, *единственно* основанную на неравенствѣ происхожденія. «Plebeus, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ писателей Себастьянъ Петрицкій, какъ бы ни былъ онъ образованъ, хотя бы сосчиталъ

¹⁾ Совершенно въ подобномъ же духѣ писалась большая часть историческихъ сочиненій и на западѣ Европы. Для примѣра укажемъ здѣсь на произведеніе французскаго ученаго Audiguier о происхожденіи французовъ, изд. въ Парижѣ, 1671 г. Здѣсь прославленный знатокъ древности говорить, что 3464 г. послѣ сотворенія міра и 590 до Р. Хр. составляютъ точную эпоху, когда Зиговесъ, племянникъ Кельтскаго короля, былъ впервые посѣанъ въ Германію. Тѣ, которые сопутствовали ему, были естественно путешественники, а такъ какъ на нѣмецкомъ языкѣ слово *wandeln* значить *ходить*, то намъ становится яснымъ происхожденіе вандаловъ. Но древность французовъ значительно превосходитъ древность вандаловъ. Юпитеръ, Плутонъ и Нептунъ, которыхъ считали нѣкоторое время богами, были въ дѣйствительности королями Галловъ .. Если же болѣе углубиться въ прошедшее, то окажется, что Галль, основатель французскаго королевства, былъ никто иной какъ самъ Ной; ибо тогда одо и то же лице имѣло два имени (Ист. цив. въ Англ. Бокля перев. Б. Дюмила и Тибл., изд. 2, т. I, ч. II, с. 586—587). Если такъ безцеремонно обращались съ историческими фактами ученые, свѣтила тогдашняго міра, то тѣмъ большей безцеремонности можно ожидать отъ обыкновенныхъ смертныхъ, помѣшанныхъ на древности своего происхожденія. Такъ дѣйствительно и было. Недавно въ одной французской газетѣ приведенъ былъ цѣлый рядъ генеалогическихъ куріозовъ, въ родѣ слѣдующихъ: семейство де-Круа обладаетъ неоспоримымъ доказательствомъ древности своего рода. Доказательство это заключается въ старинной картинѣ, на которой средневѣковой живописью изобра-

всѣ звѣзды небесныя, все-таки есть и будетъ plebeus¹⁾. Такой взглядъ на сословія не только узаконяло правительство, въ одномъ только шляхтствѣ видѣвшее силу королевства, и окружавшее его почти непроницаемою для другихъ сословій оболочкою, но онъ даже освящался, подобно какъ и на западѣ Европы, божественною санкціею: шляхта, съ свойственнымъ тѣмъ временамъ невѣжествомъ, вѣрила въ сверхъестественное происхожденіе своихъ правъ, производя своихъ предковъ и предковъ холоповъ отъ разныхъ сыновей Ноя²⁾.

III. Какъ внутренній характеръ (панегиризмъ) польскихъ герботолкованій обусловливался утилитарнымъ взглядомъ ихъ составителей на свои занятія, такъ внѣшняя, формальная сторона въ означенныхъ произведеніяхъ вполне зависѣла отъ того состоянія, въ какомъ находилась тогдашняя школьная образованность. Въ XVI и XVII стол.,—время наибольшаго процвѣтанія герботолкованій въ Польшѣ,—схоластика съ ея логическими схемами, страстью къ символизму, метафорамъ, аллегоріямъ, натянутымъ сравненіямъ и т. п., въ польскихъ, преимущественно іезуитскихъ,

женъ всемірный потопъ. Вода быстро возвышается, Ноевъ ковчегъ уже плыветъ и тонущіе члены семейства де-Круа, едва поддерживаясь на водѣ, перебрасываютъ свои грамоты и гербы въ руки молодой невѣстки Ноя, урожденной дѣвицы де-Круа. Но знатность этого рода окончательно меркнетъ предъдревностію фамиліи князей Эстергази. Родословная ихъ слѣдующая: родоначальникъ *Адамъ I Эстергази*—время рожденія и смерти исчезаетъ во мракѣ до историческихъ временъ. *Адамъ II*—время рожденія тоже утрачено. *Адамъ III* принадлежитъ уже исторической эпохѣ; при немъ совершенно сотвореніе міра (см. Искру за 1872 г. № 9).

¹⁾ *Kondratowicz*. Ист. польск. литер. т. I. 218 стр.

²⁾ *Tadeusza X. Lubomirskiego*—*Roelnicza ludnosc w Polsce*, стр. 48.

коллегіяхъ была въ величайшемъ почетѣ. Языкомъ простымъ, человѣческимъ писалъ тогда мало; за признакъ учености считалось выражаться мудренѣе, замысловатѣе, разыгрывать на одну и ту же тему какъ можно болѣе варіацій, придавать обыкновеннымъ словамъ особенное, символическое значеніе, проводить параллели между предметами мало между собою сходными. Подобное состояніе школьной образованности въ Польшѣ, само собою разумѣется, не могло не повліять на всю тогдашнюю польскую литературу; но едва ли какой другой отдѣлъ ея носить на себѣ болѣе глубокіе слѣды этого вліянія, чѣмъ герботолкованія. Это и естественно. Ничто не могло такъ прійтись по вкусу схоластически-воспитанной учености, какъ изъясненіе гербовыхъ клейнодовъ, — изъясненіе такихъ предметовъ, которые уже по самому своему свойству, какъ знаки, выражающіе отвлеченныя идеи аллегорически, требовали символическаго, таинственнаго истолкованія, — истолкованія столь любезнаго для схоластики. Такъ какъ вліяніе польской литературы на южно-русскую было велико, преимущественно, въ формальномъ отношеніи, и въ частности герботолкованія въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в. несутъ на себѣ самые глубокіе слѣды вліянія польской герботолковательной литературы въ особенности со стороны формы, то мы считаемъ здѣсь не лишнимъ для ознакомленія съ тѣми схоластическими приѣмами и діалектическими тонкостями, какія пускались въ ходъ польскими писателями при истолкованіяхъ гербовыхъ атрибутовъ, привести нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Вотъ какъ напр., Симонъ Окольскій изъясняетъ значеніе трехъ лилій въ гербѣ *Lilia secundo*: «три лиліи, говоритъ онъ, означаютъ то, что онѣ должны быть охраняемы *тремя* добродѣтелями: благочестіемъ по отношенію къ Богу, вѣрностію къ отечеству и благопристойностію въ дому (*honestate domus*). Когда Егидій, ученикъ св. Франциска, впадалъ въ нѣкоторое сомнѣніе, какимъ образомъ Іисусъ Христосъ .родился отъ Пресвятой Дѣвы

Маріи, не нарушивъ печати Ея дѣвства, и Богородица прежде, во время и послѣ рожденія пребываетъ Дѣвою, ударилъ сухимъ посохомъ въ землю однажды—и показался стебелекъ лиліи, ударилъ во второй разъ—и лилія увеличилась въ объемъ, ударилъ въ третій—и лилія приняла совершенную форму. Это видѣніе научило его вѣрѣ во всемогущество Божіе и наполнило благою вѣніемъ къ славѣ Пресвятой Богородицы. Лилія была также троякимъ знакомъ вѣрности къ христіанскому отечеству; потому что, когда объявлялась въ Галліи булла великаго Марія, на небѣ, въ формѣ креста, показались три лиліи, вслѣдствіе чего вѣрующіе и взяли за символъ надежной защиты христіанскаго отечества лиліи—одни бѣлую, другіе—красную, третьи—зеленую. Тройственными лиліями охраняется также благопристойность въ домѣ, всегда одинаковая при счастіи и несчастіи; посему-то Людовикъ II, вожь Борбонійскій (Borbonius dux), устроивъ въ Кардусѣ орденъ рыцарей въ честь Богоматери, посвятилъ ей золотую, сѣбланиую изъ крестообразно сложенныхъ лилій, цепочку съ надписью: *Spes apposuit*¹⁾. Приведенный нами примѣръ заимствованъ изъ гербовника; еще больше схоластическихъ скачковъ и діалектическихъ ухищреній представляютъ герботолкованія, находящіяся въ мелкихъ произведеніяхъ (эпиграммахъ, надгробныхъ проповѣдяхъ, панегирикахъ и т. д.). Здѣсь польскіе писатели не ограничивались только, подобно геральдистамъ, изъясненіемъ гербоваго клейнода, такъ сказать, для самаго же клейнода; но старались придавать своимъ толкованіямъ, если можно такъ выразиться, *характеръ субъективности* по отношенію къ той личности, клейнодъ которой служилъ для нихъ предметомъ изъясненія,—старались истолкованіе герба неразрывно связать съ прославленіемъ лица его имѣвшего, въ искусномъ выполненіи чего, по понятіямъ того времени, и заключался самый букетъ панеги-

¹⁾ Orb. pol. t. II p. 56. 57.

ризма. Понятно что какъ усложнялась задача, такъ точно усложнялось и ея выполненіе. Для примѣра послѣдняго рода герботолкованій приведемъ здѣсь отрывокъ изъ надгробной проповѣди іезуита Іакова Ольшевскаго, произнесенной въ 1630 г. при погребеніи превелебнаго отца, виленскаго бискупа Евстафія Воловича. Умершій имѣлъ въ гербѣ двѣ стрѣлы: одну обращенную къ верху, другую къ низу. Задавшись мыслию—похвалу *званію и достоинствамъ* усопшаго бискупа тѣсно связать съ изъясненіемъ его гербовой эмблеммы, Ольшевскій совершаетъ подобный подвигъ слѣдующимъ образомъ: положивъ въ основу проповѣди текстъ—*Vide arcum, et benedic eum qui fecit illum* (посмотри на дугу и благослови сотворившаго ее), онъ пускаетъ въ ходъ такіа діалектическія тонкости: «Я думаю, превелебный бискупъ, что ваша бискупская милость не понизится, если я прировняю ее до радуги или лука небеснаго. Сирахъ, называемый Екклезіастомъ, вылечивъ одного знаменитаго бискупа Симона, сына Іонина, за его дѣла, за то, что онъ въ *жизнѣ своей сострои домъ и во дни своя утверди церковь*, усволяетъ ему знаменитые небесные символы, называя его звѣздою утреннюю посреди облаковъ, луною полною, солнцемъ, и наконецъ, какъ бы восходя отъ низшаго къ высшему, приписываетъ ему такую елогію: какъ *лукъ* свѣтящійся между облаками (Екл. 50). На чемъ же Сирахъ основываетъ такое сходство? На подобенствѣ. Потому что, какъ лукъ небесный беретъ для себя матерію съ земли отъ влажности и земныхъ паровъ, форму же получаетъ съ неба отъ солнечныхъ лучей: такъ и бискупъ съ земли человѣкъ, отъ людей рожденъ, отъ пановъ королей получаетъ назначеніе на должность, но освященіе или инвагурацію беретъ съ неба. *Всякъ первосвященникъ отъ человѣкъ приедемъ, за челоѣпки поставляется на службы, яже къ Богу* (Евр. 5 г.)... (слѣдуютъ примѣры изъ священнаго Писанія). Или бискупъ пазывается лукомъ небеснымъ по сходству признаковъ? И то—рѣчь подходящая: *когда покроется облаками небо, укажу*

на лукъ мой въ облакахъ, и вспомню завѣтъ мой съ вами и не будетъ больше потопа съ тѣмъ, чтобы истребить все живущее (Быт. 9 гл.). Точно также и каждый бискупъ служить знакомъ примиренія между Богомъ и людьми (слѣд. текстъ). Или, можетъ быть, называется бискупъ лукомъ небеснымъ по сходству наружнаго вида? и это правда. Прекрасный видъ небснаго лука происходитъ отъ разнообразія цвѣтовъ,—и бискупъ получаетъ красоту чрезъ добродѣтели, исчисленіе вторыхъ представляетъ ап. Павелъ въ посланіи къ Тимошею.... (слѣдуетъ текстъ). Или, можетъ быть, бискупъ приравнивается къ луку по сходству формы?—Нельзя не согласиться и съ этимъ; лукъ небесный землю какъ бы лопомъ обнимаетъ,—и добрый бискупъ лоно милости отверзаетъ для овецъ своихъ.... (текстъ). Лукъ небесный, по видимому, касается земли, однакоже, на самомъ дѣлѣ, нигдѣ до нея не дотрогивается;—также и бискупъ во время своей земной жизни имѣетъ большое столкновеніе со свѣтомъ, погружается какъ бы въ суету мірскую, вступаетъ въ сношенія съ людьми разныхъ вѣроисповѣданій, но при всемъ этомъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и мысляхъ онъ никогда не теряетъ изъ виду главной своей цѣли—отлучиться отъ грѣшниковъ и вознестись въ селенія небесныя....

Но ежели всякій бискупъ удобно можетъ быть сравниваемъ съ лукомъ небеснымъ, то, по справедливости, *еще приличнѣе это сдѣлать* по отношенію къ сему, находящемуся предъ нашими глазами, бискупу. Смотри на его знаменитые гербовые знаки, мы видимъ *два стрѣлы*: одну, обращенную къ небу, другую къ землѣ; но гдѣ же *лукъ*?—не находимъ. Обращаясь къ небу, видимъ *лукъ*; но *идь же стрѣлы*?—не находимъ. Но если сложить какъ то, такъ и другое вмѣстѣ (потому что, имѣя въ своемъ гербѣ *стрѣлы*, почившій вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бискупъ, есть и *лукъ небесный*), то удачное будетъ соединеніе лука со стрѣлами и стрѣлъ съ лукомъ—произойдетъ стрѣльба. *Прямолинейно полетятъ*

стрѣлы молніи, и какъ отъ хорошо натянутого лука небеснаго попадутъ въ намѣченное мѣсто (Прем. Сол. 3 гл.). Стрѣлы бискупа направлены были на прекрасныя мѣста:—одна къ небу, другая—къ землѣ. Къ небу стрѣла—это пламенная молитва (*strzelista modlitwa*); и дѣйствительно почившій превелебный отецъ такихъ горячихъ молитвъ исполненъ былъ и такъ онѣ были доходны до Бога. что о нихъ можно сказать тоже, что нѣкогда сказано было о стрѣлѣ Іонафана: *стрѣла Іонафана никогда не ворочалась* (2 Цар. гл. 1)... Другая стрѣла въ гербѣ бискупа была обращена къ землѣ: было слово его справедливо, дѣльно и дѣйственно... (слѣд. текстъ и затѣмъ панегиризмъ земной дѣятельности умершаго) ¹⁾.

Приступаемъ къ главному предмету нашего сочиненія—описанію и истолкованію дворянскихъ гербовъ въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в., и первѣе всего, согласно высказанному нами плану, къ указанію причинъ, вызвавшихъ и поддерживавшихъ это, странное для нашего времени, явленіе.

Югозападныя области Россіи, послѣ татарскаго погрома, не долго сохраняли свою политическую самостоятельность. Сначала онѣ, за исключеніемъ Червонной Руси, подчинившейся (1340 г.) польскому королю, вошли въ составъ Литовскаго княжества, образованнаго политикою и мечемъ Гедимина и его преемниковъ, а потомъ съ 1386 г. стали входить и чрезъ Люблинскую унію (1569) окончательно вошли въ составъ польской короны.

Послѣднія обстоятельства имѣли роковое значеніе для югозападной Россіи.

¹⁾ Kazania albo tytuły—Iakuba Olszewskiego. 1643 г. стр. 285—289.

Извѣстенъ тотъ общеміровой законъ, по которому образованная нація, приходя въ столкновение со страной, стоящею сравнительно съ нею на низшей ступени развитія, оказываетъ вліяніе на образованіе послѣдней, измѣняя оное на свой ладъ. Такъ напр., это случилось съ Польшею, органически усвоившею начала западно-европейскаго міра. Это (еще до соединенія съ польскою короною) случилось съ Литвою, начавшею было усваивать русскій элементъ,—русскіе нравы, обычаи, языкъ и даже религію. Это необходимо и неизбѣжно должно было случиться и съ юго-западною Русью, какъ скоро она подпала вліянію страны болѣе, чѣмъ она, образованной. Поляки, подражатели запада, по отношенію къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ стали образцами; польскій элементъ быстро началъ укореняться на литовско-русской почвѣ, хотя, впрочемъ, не во всѣхъ слояхъ ея съ одинаково быстрымъ успѣхомъ. Крестыанъ и вообще низшихъ сословій онъ коснулся только отчасти, слегка; но за то аристократы, высшія сословія, будучи поражены виѣшнимъ блескомъ польской цивилизаціи и чисто шляхетскимъ ея характеромъ, начали усвоить оную съ ревностію, достойною лучшаго дѣла. Во имя образованія они охотно перенимали польскіе обычаи, нравы, одежду, языкъ, а впоследствии даже и религію; такъ что къ концу XVI в., если нѣкоторыя литовскія и южно русскія фамиліи и держались еще отечественной вѣры, то почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно стали походить на польскую шляхту. Стоитъ только вспомнить жизнь даже такихъ столповъ православія, какимъ напр., былъ князь Константинъ Острожскій, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Но усвоивъ виѣшній лоскъ польской цивилизаціи, проникаясь шляхетско-польскими воззрѣніями, литовско-русскіе аристократы, само собою разумѣется, не могли оставить безъ вниманія того, что составляло душу шляхетской гордости, не могли не проникнуться тою любовію къ гербовымъ клейнодамъ, которая, какъ мы видѣли, царила въ тогдашней Польшѣ,

и не постараться о приобретении этих столь высоко чтимых в то время атрибутов благородного человека. Последнему, впрочем, помогало и само польское правительство. Пославив главною цѣлю своей политики—объединить съ Польшею литовско-русскія земли во всѣхъ отношеніяхъ, оно за самое вѣрное средство для этого признало, между прочимъ, уравниеніе въ гражданскихъ правахъ литовско-русской знати съ польскимъ шляхетствомъ,—и одною изъ главныхъ мѣръ для такого уравниенія—надѣленіе первой гербами послѣдняго.

Обыкновенно первое появленіе гербовъ между литовско-русскою аристократіею относятъ къ 1413 году. 2 декабря сего года на Городельскомъ сеймѣ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ и польскимъ королемъ Ягелломъ подписана была договорная союзная грамота ¹⁾, -которою, между прочимъ, объявлена была литовско-русскому дворянству католическаго вѣроисповѣданія ²⁾ раздача гербовъ ³⁾, соединенная съ разными преимуществами польской шляхты, въ знакъ, какъ сказано въ документѣ, доброй къ нему нѣкоторыхъ польскихъ родовъ пріязни. Но едва ли нельзя отнести *первое появленіе* гербовъ (собственно появленіе, а не раздачу) въ литовско-русскихъ земляхъ ко времени нѣсколько раннему, едва ли самый цвѣтъ гуземной аристократіи—князья, происшедшіе отъ Владиміра св. и Гедимича, не обзавелись гербовыми клейнодами еще до Городельскаго сейма. Къ этому насъ приводятъ слѣдующія соображенія. Извѣстно, что князья русскіе и литовскіе издавна имѣли печати съ символическими на нихъ изо-

¹⁾ См. Leges, statuta, constit. privil. Regni Poloniae Magni Ducatus Lithv. изд. 1732 г. Т. I, pag. 66—71.

²⁾ Удостоены гербовъ cultores Christianae Religionis Romanae Ecclesiae Subjecti, et non schismatici vel alii infideles (?).

³⁾ Всѣхъ гербовъ роздано было на Городельскомъ сеймѣ 47. (Herbarz Niesiec. I, 557).

браженіями. Печати эти сначала не переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну: каждый князь вступая во владѣніе областью, выбиралъ для своей печати ту эмблему, которая болѣе ему нравилась и ближе выражала его политическое положеніе, даже нерѣдко одинъ и тотъ же князь въ разныя эпохи своего правленія, при неодинаковыхъ обстоятельствахъ, на разныхъ документахъ прикладывалъ неодинаковыя печати ¹⁾; но съ теченіемъ времени символы на печатяхъ дѣлаются постоянными, наслѣдственными. Такъ напр. Витень, говоритъ паша лѣтопись, «нача княжити надъ Литвою (1278 г.) измысли себѣ гербъ (очевидно это лѣтописецъ употребляетъ подъ вліяніемъ современныхъ ему понятій) и всему князству литовскому печать: рыцарь зброяныа на конѣ зъ мечемъ, еже нынѣ наричуть погоня» ²⁾. Преемникъ его Гедиминъ избралъ для своей печати новый символъ—*ангела* ³⁾; но большая часть послѣдующихъ литовскихъ князей опять возвращается къ прежней эмблемѣ ⁴⁾—рыцарю зброяному на конѣ,—которая, такимъ образомъ, становится какъ бы наслѣдственною. Теперь, если примемъ во вниманіе, что вліяніе польское на высшую литовско-русскую аристократію, путемъ сношеній, могло имѣть мѣсто еще до соединенія Ягелломъ Литвы съ Польшею, если послѣднее обстоятельство открыло этому вліянію самый большой просторъ: то покажется очень вѣроятнымъ, что Рюриковичи и Гедиминовичи, познакомившись съ шляхетско-польскими теоріями, не замедлили обставить свои печати, имѣвшія уже одинъ признакъ герба—наслѣдственность, гербовыми атрибутами. Это весьма естественное предположеніе находитъ опору и въ фактахъ. Такъ извѣстно, что большая часть княжескихъ литовско-русскихъ

¹⁾ Лакіеръ, Рус. геральдика, ч. I, 148.

²⁾ Прибавл. Плат. лѣт. въ Полн. собр. лѣт. II, стр. 346.

³⁾ Herb. Niesiec. I, 549.

⁴⁾ Лакіеръ, Русск. геральдика.

фамилій не получала гербовыхъ клейнодовъ отъ польскаго правительства; послѣднее *только утверждало* за Гедиминовичами и Рюриковичами гербы, уже ими самими составленные, и при этихъ утвержденіяхъ заявляло, что оно укрѣпляетъ за извѣстнымъ княжескимъ домомъ ту гербовую печать, которая *уже употреблялась его предками*. Такъ, напр., въ жалованной грамотѣ, данной князьямъ Чарторижскимъ въ 1442 году польскимъ королемъ Владиславомъ, говорится; «желая ознаменовать милость и благоволеніе къ братьямъ Ивану, Александру и Михаилу Чарторижскимъ, за особенную преданность ихъ королю Польской, король, приписывая во вниманіе княжеское происхожденіе означенныхъ лицъ и родство ихъ съ королевскимъ домомъ, навсегда жалуетъ всему ихъ роду вообще и каждому его члену въ отдѣльности право пользоваться княжескою печатью (гербовою), какую *употребляли ихъ дѣды и отецъ* (quo—печатью—ex Avo, et Patri, ipsorum uti consueverunt), т. е. конемъ, на которомъ сидитъ вооруженный мужъ, держащій въ рукѣ обнаженный мечъ ¹⁾,

Какъ бы то ни было, если даже наше предположеніе относительно появленія гербовыхъ клейнодовъ между Рюриковичами и Гедиминовичами прежде Городельскаго сейма и не выдержитъ строгой критики, во всякомъ случаѣ начало акклиматизированія ихъ (гербовъ) въ Литовско-русскомъ княжествѣ должно быть отнесено къ первой половинѣ XV в. Въ 1413 году, какъ мы сказали,

¹⁾ Herbarz. Niesiec. III. 224—225. 1442 г. нельзя почитать временемъ, съ котораго фамилія князей Чарторижскихъ *начала впервые употреблять* гербовую печать, *на томъ только основаніи*, что къ этому времени относится жалованная ей на гербъ грамота: точно такія же грамоты эта фамилія получала и въ послѣдствіи, даже спустя столѣтіе; такъ, напр., подобная же привилегированная грамота дана была Чарторижскимъ Августомъ I на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г. (Ibid.—стр. 225.

47 гербовыхъ клейнодовъ роздано было литовско-русской знати католическаго вѣроисповѣданія; къ первой половинѣ XV в. относятся жалованныя (подтвердительныя) на гербовыя печати грамоты, выдаваемыя польскими королями Гедиминовичамъ и Рюриковичамъ; къ этому же времени, кажется, должно отнести раздачу польскихъ гербовъ (причисленіе къ гербамъ польскихъ фамилій) и всѣмъ остальнымъ вліятельнымъ личностямъ литовско-русскаго княжества, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ Бобровичъ, что всѣ знатныя паны и бояре (*welsu panowie i bojarowie*), владѣющіе значительными помѣстьями, постарались обзавестись гербовыми клейнодами вскорѣ послѣ Городельскаго сейма, хотя мы съ точностію и не можемъ опредѣлить времени, когда совершился этотъ фактъ ¹⁾. Только не такъ скоро получило право имѣть гербы мелкое литовско-русское дворянство (сословіе зависимыхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ мелкихъ западно-европейскихъ вассаловъ). Этотъ классъ людей, по незначительности матеріальныхъ средствъ, находившихся въ его распоряженіи, не могъ имѣть большаго вліянія на отечественныя дѣла, былъ въ полной зависимости отъ своихъ сюзереновъ (высшихъ сословій). По этому польское правительство, въ видахъ объединенія Литовско-русскаго княжества съ Польшею, даруя значнымъ лицамъ присоединенной страны гербовыя клейноды вмѣстѣ съ правами и преимуществами съ ними соединенными, не считало за нужное дѣлать этого по отношенію къ мелкому дворянству, какъ классу не имѣвшему особенно большаго вѣса въ своемъ отечествѣ. Но въ 1569 году, во время Люблинской уніи, и это сословіе было уравнено въ правахъ и преимуществахъ съ польскою шляхтою и получило давно желаемые имъ гербы ²⁾, которые

¹⁾ Herbarz pols. Niesiec. I, 551.

²⁾ Herb. pols. Niesiec. I, 552. До Люблинской уніи мелкое литовско-русское дворянство удовлетворяло охватившей его гербо-

съ этого времени, по выраженію Бобровича, начали широкимъ потокомъ разливаться по всему Литовско-русскому княжеству, обхватывая всѣ слои туземнаго дворянства.

Но въ Польшѣ, какъ мы видѣли, любовь къ гербамъ распространена была не между одною только шляхтою, свѣтскими благородными сословіями; не меньшею гербоманіею одержимо было тамъ и высшее духовенство. Имѣло ли мѣсто подобное явленіе и въ Литовско-русскомъ княжествѣ?—Хотя Лакіеръ и говоритъ, что для русскаго духовенства особенныхъ гербовъ не образовалось, не смотря на попытки Петра Могилы (?) и патріарха Никона *сочинить* себѣ гербы ¹⁾, но это не совсѣмъ вѣрно; это совершенно справедливо только по отношенію къ сѣверо-восточной Руси, гдѣ дѣйствительно патріархъ Никонъ сочинилъ себѣ гербъ ²⁾ и гдѣ попытка эта не имѣла успѣха. Что же касается до Руси юго-западной, то здѣсь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши дѣло происходило иначе. Такъ какъ въ Литовско-русскомъ княжествѣ не существовало духовенства въ смыслѣ отдѣльной касты, то на высшія іерархическія мѣста, доставлявшія очень значительные доходы, поставляемы были польскимъ королемъ, по его личному усмотрѣнію, преимущественно лица шляхетскаго сословія. Понятны слѣдствія этого. Взросшій среди удовольствій свѣта, до мозга костей проникнутый шляхетско-польскими привычками и воззрѣніями, папъ, вступая въ духовное званіе, осо-

маніи поддѣлкою своихъ печатей на образецъ польскихъ гербовыхъ клейнодовъ Ibid.—стр. 551).

¹⁾ Русс. Гербальд. I, 14.

²⁾ Гербъ Никона, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа книги *Рай мысленный* (изд. въ Ивер. мон., 1659 г.: въ 1-й находится евангеліе, во 2-й благословляющая рука, въ 3-й ключъ, въ 4-й палисвѣчникъ. Вышшія украшенія герба составляютъ предметы религіознаго характера—митра, крестъ, посохъ и т. п.

бенно, если дѣлалъ это изъ экономическихъ соображеній, не перемѣнялъ своего прежняго образа жизни. Любовь къ гербовымъ клейнодамъ, охотѣ, пирушкамъ и прекрасному полу, наполнявшая время его свѣтской жизни, не была покидаема имъ и въ монастырскихъ стѣнахъ. Правда, не всѣ дворяне, поступая въ духовное званіе, руководствовались при этомъ исключительно житейскими выгодами: было и между ними не мало личностей, по призванію становившихся въ ряды духовенства и съ честію проходившихъ свой постъ; но и эти заслуживающіе уваженіе пастыри, оставляя многія несвойственныя ихъ новому положенію привычки, измѣняя виѣшнюю обстановку своего образа жизни, не могли совсѣмъ отрѣшиться отъ *сути* шляхетско-польскихъ воззрѣній. Тоже благоговѣніе предъ клейнодами, длинными родословными и благородствомъ происхожденія, какое они питали къ этимъ предметамъ, живя въ міру, наполняло ихъ сердца и подѣ монашескими рясами. Да иначе и быть не могло. Шляхетскія воззрѣнія въ то время, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литовско-русскомъ княжествѣ, не только не считались предосудительными, но, какъ уже отчасти нами и было замѣчено, пользовались даже божественною санкціею. Если тогда въ благородствѣ происхожденія видѣли знакъ Божіей милости, если считали приличнымъ усвоить гербы святымъ и даже Пресвятой Троицѣ ¹⁾, если въ

¹⁾ Такъ, напр., одинъ изъ польскихъ проповѣдниковъ ксендзъ Станиславъ Бѣлицкій въ проповѣди на праздникъ пятидесятницы, задавшись вопросомъ—почему Духъ Св. сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, рѣшаетъ его слѣд. образомъ: Я думаю вотъ почему, говоритъ онъ,—когда Христосъ вознесся на небо, тогда, при торжественныхъ и радостныхъ рукоплесканіяхъ небесныхъ обитателей, Онъ помѣнялся гербами съ Духомъ Святымъ, подобно тому, какъ помѣнялись гербами паны литовскіе съ панами польскими—послѣ уніи съ Литовскимъ княжествомъ. Какой же гербъ Отца Предвѣчнаго? *Голова*, виѣстилище предвѣчной мудрости. У Сына Божія,

доказательство законности тщеславія длинною родословною приводили не только свидѣтельства Цицерона, Сенеки, святыхъ отцевъ, но даже указывали на примѣръ Самаго Ісуса Христа, не возбранившаго евангелисту Матеею писать о Своей родословной ¹⁾, то, при такомъ складѣ общественныхъ понятій, могли ли ясно-вельможные паны, вступая въ духовное званіе, разстаться съ своими такъ дорого цѣнными клейнодами? И они дѣйствительно не разставались съ ними; они дѣлали только, въ соответствии своему новому званію, не касаясь эмблемъ герба, нѣкоторыя измѣненія во внѣшнихъ его атрибутахъ, замѣняя короны, страусовы перья и т. п. внѣшнія гербовыя украшенія, предметами священнаго характера, какъ-то: мирою, крестами, архіерейскимъ посохомъ и т. п., даже иногда, какъ это можно видѣть на нѣкоторыхъ гербахъ Петра Могилы (см. рис. II и IV) и Сильвестра Коссова, католическимъ капелюшемъ (кардинальская шапочка). Что касается до времени, когда впервые появились между южно-рускимъ духовенствомъ гербовыя клейноды, то съ точностію опре-

Предвѣчнаго Слова, *Verbum*, гербомъ былъ языкъ. Духъ же Святый, какъ всецѣлая божественная любовь долженъ имѣть гербомъ своимъ *сердце* (Труд. Киев. дух. Акад. 1871 г. апрѣль 173 стр.). Съ подобнымъ же явленіемъ можно встрѣтиться и въ южно-русской литературѣ, такъ, напр., на оборотѣ заглавнаго листа сочиненія І. Голытовскаго *Мессія. Правдивый* (изд. 1669 г. и въ другихъ изд.) изображенъ *пресвѣтлый, всему свѣту свѣтящій гербъ* Мессіи Правдиваго; именно—въ кругломъ щитѣ, поле котораго усѣяно звѣздами, осмиконечный крестъ. Лазарь Барановичъ въ своемъ сочиненіи «*Lutnia Apolinowa kozdey sprawie gotowa*» (изд. въ Кіевѣ 1671 г.) усваиваетъ Христу слѣдующій гербъ: въ сердцеобразномъ щитѣ три литеры—І. Н. S., на шлемѣ водруженъ крестъ, по сторонамъ котораго находится по два гвоздя (стр. 150).

¹⁾ Herb. wielu domow korony Polskiej i w. k. Litew. Dunczewskiego 1757. См. предисловіе къ гербовнику.

дѣлать его (т. е. указать годъ) трудно; но во всякомъ случаѣ есть фактическія данныя, что оно восходитъ за Петра Могилу. такъ напр.. на оборотѣ заглавнаго листа *Евангелія Учительнаго*, изд. въ Кйиросѣ въ 1606 г., помѣщенъ гербъ Гедеопа Балабаца, епископа Галицкаго, Львовскаго и Каменецкаго ¹⁾; епископъ Ипатій Поцѣй (Нірасу Росіей) имѣлъ гербъ ²⁾ и производилъ свой родъ отъ св. Владиміра ³⁾. Вообще послѣ всего нами сказаннаго, кажется, можно логически заключить, что появленіе гербовъ между высшимъ литовско-русскимъ духовенствомъ одновременно съ началомъ поступленія на высшія іерархическія мѣста лицъ шляхетскаго сословія, лицъ слѣд. имѣвшихъ гербовые клейноды.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго нами видно, что акклиматизированіе гербовъ въ Литовско-русскомъ княжествѣ, начавшееся почти со времени перваго соприкосновенія этой страны съ Польшею, нашло для себя въ сердцахъ литовско-русскаго дворянства, а по тѣсной связи съ симъ послѣднимъ—и высшаго духовенства, благопріятную атмосферу и къ концу XVI в. достигло своего апогея. Гербы, какъ мы сказали, цѣлымъ потокомъ разливались по Литовско-русскому княжеству; дворянство даяныя ему привиллегіи на нихъ, вмѣстѣ съ прочими привиллегіями королевства Польскаго, хранило въ церквахъ—за рѣшетками, желѣзными дверями и двойными къ нимъ, различнаго устройства, замками ⁴⁾. Но какъ въ Польшѣ гербоманія шляхты дала особенный колоритъ туземной литературѣ, наклонивъ ее къ прославленію

¹⁾ Обстоят. опис. старопеч. книгъ *Строева*, изд. 1829 г., стр. 110—111.

²⁾ Herb. Niesiec. т. VII, стр. 335 и слѣд.

³⁾ Wiszniew. Hist. liter. polsk. t. VIII, 249.

⁴⁾ 4-й пунктъ акта о разд. княж. Острож. См. Врем. Имп. Москв. Общ. Истор. и Древ. Рос. XIV кн., стр. 40.

нію дворянскихъ клейнодовъ, (или, вѣрнѣе, къ прославленію вельможества, основанному на изъясненіи его гербовыхъ атрибутовъ), такъ естественно, при одинаковомъ положеніи дѣла, подобное же направленіе могла принять и южно-русская литература. Эта возможность обратилась въ историческую необходимость, какъ скоро вліяніе польское коснулось и нашихъ южно-русскихъ писателей.

Извѣстно, что образованіе въ юго-западной Россіи въ концѣ XVI в. находилось далеко не въ блестящемъ положеніи. Общая сумма знаній была крайне ничтожна, школъ было мало, да и въ тѣхъ преподавались преимущественно элементарныя свѣдѣнія. Между тѣмъ сознаніе необходимости научнаго просвѣщенія въ лучшихъ южно-русскихъ людяхъ того времени стало глубоко укореняться. Рядомъ была, гордящаяся своими учебными заведеніями, Польша; рядомъ были іезуиты, славящіеся своею ерудиціею, почитаемою большинствомъ образованныхъ людей того времени за предѣлъ человѣческой мудрости; рядомъ встала и шла на Русь, сильная своими софизмами и внѣшнимъ блескомъ, католическая пропаганда. Чтобъ противодействовать напору иновѣрія и доказать, что *не безплодны доблестію и русская земля и православная вѣра*, южно-руссамъ необходимо было стать въ одинаковыя съ Польшею условія относительно школьной образованности; являлась настоятельная необходимость въ наукѣ. Но гдѣ было учиться? единовѣрная Греція находилась тогда въ крайнемъ упадкѣ; въ единоплеменной, православной Московіи царилъ неменьшее невѣжество, — оставалось обратиться за наукою къ своимъ же религіознымъ противникамъ. Такъ и поступило наше южно-русское духовенство; оно стало посѣщать польскія, преимущественно іезуитскія, коллегіи — съ цѣлію заимствовать отъ тамошнихъ ученыхъ, по его собственному выраженію, *научныя формы*, оставивъ въ сторонѣ *содержаніе*, хотѣло научиться искусно владѣть оружіемъ, чтобы въ послѣдствіи обратить его на

своихъ же наставниковъ. Но совершить такой подвигъ, да еще совершить его на глазахъ почтенныхъ отцевъ іезуитовъ было дѣломъ очень не легкимъ... Въ результатъ выходило то, что южно-русскіе духовные ученые ХVІІ в., отправлявшіеся для завершенія своего образованія въ Польшу, усвоили не только научныя *формы*, господствовавшіе въ тогдашнихъ іезуитскихъ коллегіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникались и тѣми идеями, какія царили въ то время въ польскомъ обществѣ и польской литературѣ ¹⁾. Въ особенности велико было вліяніе на южно-русское

¹⁾ У насъ очень многіе держатся мнѣнія, что вліяніе Польши на южно-русскую литературу ХVІІ в. было *только внѣшнее, формальное*. Главная опора означеннаго мнѣнія основывается на вѣрности православію южно русскаго духовенства, средою котораго преимущественно и ограничивалась южно-русская литература того времени. Но едва ли это вѣрно. Правда, духовенство, равно какъ и весь южно-русскій народъ, исключая окатоличившагося дворянства, смотрѣло на православіе какъ на драгоцѣннѣйшее свое сокровище и не утрачивало его даже проходя сквозь горнило іезуитскихъ школъ, (хотя были и исключенія—Саковичъ, М. Смотрицкій); правда и то, что православныя вѣрованія южно-русскаго духовенства оставались чистыми отъ примѣси католицизма, (хотя и въ этомъ отношеніи есть уклоненія; такъ напр. въ южно-русскихъ проповѣдяхъ, кое гдѣ, блаж. Іеронимъ, согласно признанію римской церкви, именуется *святымъ*; такъ, нѣсколько проповѣдей, въ *Огородкѣ Бородинцы*, посвящено раскрытію римскаго ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери см. южно-рус. проп. ХVІІ в. *Ф. А. Терновскаго* стр. 8). Но вѣдь религіозныя воззрѣнія не представляютъ въ людяхъ единственнаго пункта, доступнаго вліянію; такихъ пунктовъ очень много. Мы знаемъ по опыту, что міросозерцанія личностей, держащихся однихъ и тѣхъ же религіозныхъ воззрѣній, бываютъ иногда весьма различны, и на оборотъ — люди разныхъ вѣроисповѣданій очень часто чувствуютъ себя во многомъ солидарными. Поэтому не удивительно, что южно-русское духовенство, оставаясь вѣрнымъ православію,

духовенство шляхетско-польскихъ понятій. Это обстоятельство, съ одной стороны, обуславливалось тѣмъ, что означенныя понятія были въ Польшѣ XVI и XVII ст. господствующими и при томъ, какъ нами было уже замѣчено, освящались тамъ божественною санкціею, вслѣдствіе чего усвоеніе ихъ въ глазахъ духовныхъ лицъ не могло считаться дѣломъ предосудительнымъ; а съ другой—и это едва ли не главное—зависѣло отъ утилитарнаго взгляда на шляхетско-польскія теоріи, отъ тѣхъ выгодъ, какія извлекались изъ нихъ людьми, вторящими музыкѣ сильнаго, преимущественно іезуитами. Южно-русское духовенство, посящая Польскую корону, видѣло, что старожитность, благородство, гербы и тому подобные коньки шляхетской гордости въ искусныхъ рукахъ сыновъ Лойолы дѣлались, такъ сказать, живымъ капиталомъ, который они пускали, при удобныхъ случаяхъ, въ очень прибыльные обороты... видѣли и принимали къ свѣдѣнію.

Такимъ образомъ понятною становится высказанная нами мысль, что при той любви, какую питало къ своимъ гербовымъ клейнодамъ дворянство и высшее духовенство въ Литовско-русскомъ княжествѣ, польское вліяніе на туземную интеллигенцію сдѣлало появленіе герботолкованій въ южно-русской литературѣ явленіемъ исторически-необходимымъ.

полемизируя противъ догматовъ и установленій католицизма, не согласныхъ съ ученіемъ восточно-каволической церкви, во многихъ другихъ отношеніяхъ стало походить на своихъ учителей. Вглянитесь пристальнѣе въ южно-русскую литературу XVII в., устранивъ изъ нея православно-догматическія вѣрованія и вы увидите, за не многими исключеніями, не виѣшнее только, но и *внутреннее* сродство ея съ литературою польскою,—тотъ же міеологическій балластъ, тотъ же взглядъ на явленія міра физическаго, тѣ же воззрѣнія на соціальный бытъ общества.

Мы сказали въ началѣ сочиненія, что произведенія, въ которыхъ духовные писатели XVIII в. помѣщали описанія и истолкованія дворянскихъ гербовъ, были разнообразны. Пменно герботолкованія входили, какъ существенные элементы:

А., *Въ надгробныхъ проповѣди, произносимыя при погребеніи знатныхъ лицъ*. «Въ надгробныхъ проповѣдяхъ, говоритъ русскій гомилетъ XVIII вѣка Іоанникій Голятовскій, нужно обращать вниманіе на гербъ умершаго. Если въ гербѣ, напр., есть врата, то говори о двухъ евангельскихъ вратахъ широкихъ и узкихъ, и о томъ, что покойный шелъ узкими вратами, потому что любилъ добрыя дѣла и такимъ образомъ достигъ неба» ¹⁾. Впрочемъ произведеній этого рода до нашего времени почти вовсе не дошло. Мы можемъ указать только на *Казане погребовое надъ тѣломъ ясне—освѣценою князя его милости п. Пліи Святополка на Четверткѣ Четвертинскаго* (изд. 1641 г., въ Кіевѣ), произнесенное ректоромъ и игуменомъ Братскаго монастыря Игнатіемъ Оксеновичемъ—Старушичемъ, гдѣ, между прочимъ, находится описаніе герба умершаго и указаніе на его значеніе.

Б., *Въ панегирики разнымъ сановнымъ лицамъ, какъ свѣтскимъ такъ и духовнымъ*. Подобныя произведенія въ южной Россіи того времени были въ большемъ ходу. «*Мнемозина* (панегирикъ Петру Могилѣ), говоритъ М. А. Максимовичъ, была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ XVIII в. выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панегириковъ» ²⁾. Чтобы показать, какую огромную роль играло въ хвалебныхъ гимнахъ магнатамъ герботолкованіе укажемъ здѣсь на канву двухъ особенно замѣчательныхъ, въ этомъ отношеніи, панегириковъ. Одинъ изъ нихъ, написанный по ла-

¹⁾ Наука, або способъ зложенія казаня. Въ приложеніи къ *Ключу разумній* (изд. Льв., 1665 г.).

²⁾ Книж. старина южно-русс. 18 стр.

тынѣ (магистромъ поэзіи Баевскимъ), воспѣваетъ подвиги кievскаго магната Адама Киселя, которому онъ и посвященъ. Такъ какъ въ гербѣ Киселя эмблеммою былъ *шатеръ*, то и самый панегирикъ озаглавивается слѣдующимъ образомъ: «Tentoria venienti Kioviam cum novi honoris Jascibus illustrissimo domino d. Adamo de Brusilow Swentoldicio Kisiel costellano Kiov. Nosow etc. Capitaneo, a collegio Mogil. Kiov. expansa opera I. Theodosii Wasilewicz Baiewski» (годъ изд. не обозначенъ). Кромѣ этой надписи на заглавномъ листѣ брошюры изображенъ *шатеръ* на трехъ столпахъ съ аллегорическими фигурами. За тѣмъ, послѣ пышнаго посвященія; изображены: *шатеръ* церкви, подъ которымъ воспѣты въ латинскихъ стихахъ и прозѣ дѣянія Киселя на пользу вѣры; *шатеръ* отечества—съ прославленіемъ военныкъ его заслугъ; *шатеръ* рода, въ которомъ изображенъ, кажется, самъ Кисель, а можетъ быть, и его родоначальникъ,—и наконецъ *шатры* Паллады, Марса и Чести. —Другой панегирикъ, представляющій profession de Foi по части схоластическихъ ухищреній относительно переплетенія похвалы магнатамъ съ истолкованіемъ ихъ гербовыхъ клейнодовъ носить слѣдующее названіе: «Столып цнотъ знаменитыхъ въ Богу зешлого ясне превелебнаго его милости отца Сильвестра Коссова, архіепископа, метрополита кievскаго, галицкаго и всея Россіи, въ collegіумѣ братскомъ кievомогилевскомъ выставленный ясне превелебному въ Богу его милости отцу Діовисію Балабану, архіепископу, метрополиту кievскому, галицкому и всея Россіи, отъ тогожъ collegіумѣ дедикованный 1658 г. януарія 30». Темою для панегирика служатъ три достоинства Коссова; заботливость (чуждость), мудрость и терпѣливость. Гравюра, рѣзанная на деревѣ, вмѣсто заглавнаго листа, служить объясненіемъ всего текста. Вверху ея, въ облакахъ два ангела держатъ сердце умершаго Сильвестра. Подъ ними треугольникъ, на сторонахъ котораго надписи трехъ достоинствъ Коссова: «чуждости, мудрости, терпимости»; въ самомъ

треугольникъ—выше выписанное заглавіе. Шесть *стрѣлъ* (стрѣлы были въ гербѣ Коссова) направлены на треугольникъ; изъ нихъ три — смерти, свѣта, тѣла—отскакиваютъ отъ подписей; другія же три съ надписями: «нетлѣнный, нескверный, бессмертный», вонзаются въ достоинства. По лѣвую сторону треугольника кардинальскіе капелюшъ и пастораль, по правую—митра и крыжъ. Треугольникъ утвержденъ на двухъ столбахъ, поддерживаемыхъ *львами* (изображеніе льва было въ гербѣ Коссова), съ подписями «недвижимый». Третій столбъ между ними повергнутъ такъ, что изображаетъ вмѣстѣ съ двумя первыми букву *N*, тоже бывшую въ гербѣ Сильвестра. Вмѣстѣ съ послѣднимъ столбомъ повергается *левъ*, которому смерть раздираетъ пасть, а въ ней и около медъ и пчелы. Надписи объясняютъ мысль, что хотя матеріально и умеръ Сильвестръ, но въ тоже самое время возродился духовно, а именно: «Восхити *льва* и растерза. Егда скончасть человекъ, тогда начинается. И рой пчелъ въ усѣхъ *львовыхъ*, и медъ». За правымъ столбомъ смерть, а за лѣвымъ двуглавый аспидъ, который взбирается, чтобы достать достоинства Коссова. Внизу гравюры, три ступени, на каждой по *льву*, съ подписями: «любви, наден, вѣры». На верхней два ангела держатъ сердце, пронзенное двумя *стрѣлами* (болѣзнію и смертію) съ словами: «егда немоществую, тогда силенъ есмь» ¹⁾. Самое содержаніе брошюры сослгонтъ въ описаніи указанныхъ достоинствъ Сильвестра Коссова съ непрерывными примѣненіями къ его гербу.

В., *Въ посвяtitельные листы къ книгамъ самаго разнообразнаго содержанія*. Въ то время «необычне бо дѣлу, художествомъ типографскимъ произведенному, безъ заступника въ свѣтъ

¹⁾ О панегирикахъ А. Киселю и С. Коссову см. статью *Пекарскаго* «Представ. Кіев. учености», помѣщенную въ Отеч. Записк. 1862 г.

исходити» ¹⁾. Это значить, что въ XVII в. было въ обыкновеніи почти каждую, вповь отпечатываемую, книгу посвящать какой либо знатной, свѣтской или духовной особѣ ²⁾. Посвященіе обыкновенно состояло въ слѣдующемъ: на оборотѣ заглавнаго листа отгравировывался гербъ особы и внизу его помѣщалась *эпиграмма*, т. е. сплلابическое стихотвореніе, въ которомъ изъяснялись эмблеммы клейнода, большею чѣстію, въ примѣненіи къ лицу ихъ имѣвшему; за тѣмъ слѣдовала предмова, гдѣ обыкновенно трактовалось о генеалогіи, знатности и доблестныхъ дѣлахъ того лица, которому посвящалась книга, а иногда дѣлалось вторячное, обыкновенно, болѣе подробное изъясненіе отгравированнаго клейнода.

Кромѣ того описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ входило въ надгробныя эпитафіи, поздравительныя рѣчи и, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыя и другія мелкія произведенія. Но очевидно, что этотъ отдѣлъ южно-русской литературы, уже по са-

¹⁾ См. предмову до князя Голицына, помѣщ. въ *Алф. Духовн.* 1713 г. (второе изд.).

²⁾ Такъ какъ главною цѣлію посвященій было (о чемъ будетъ указано ниже достиженіе личныхъ выгодъ, то случалась, что одна и таже книга подносима была разнымъ знатымъ лицамъ, при чемъ перемѣнялись только выходные и посвятительные ея листы. Такъ напр., *Евангеліе Учительное*, іеромонаха К. Транквилиона—Ставроецкаго, напечатанное въ Рахмановѣ, 1619 г. было посвящено и князю Юрію Чарторижскому (Обст. опис. староп. кн. *Строева* стр. 143) и княгинѣ Иринѣ Вишневецкой (*Idem* стр. 148); *Бесѣды Златоустаго на Дьян. Апостолъ* (изд. въ Кіевѣ, 1624 г.) были посвящены и Далмату и князю Стефану Четвертинскому (книж. стар. южно-русс. стр. 8); *Евангеліе Учительное*, напеч. въ Кіевѣ, 1637 г., посвящено было Петромъ Могилою и Теодору Проскурѣ-Сущанскому и пану Богдану Стеткевичу (можно видѣть въ лаврской библ. подъ № 1—4, 6-го отдѣла).

тому своему свойству и незначительности, не могъ имѣть большихъ шансовъ на долговѣчность, и потому отъ него до нашего времени почти ничего не уцѣлѣло; мы знаемъ о той роли, какую играло въ означенныхъ произведеніяхъ истолкованіе гербовыхъ клейнодовъ, только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ напр., относительно помѣщенія герботолкованій въ надгробныхъ эпитафіяхъ, заключаемъ изъ нѣкоторыхъ надгробковъ, находящихся въ сочиненіи Лазаря Барановича *Lutnia Apolinowa koźdeu sprawie gotowa* ¹⁾; о характерѣ поздравительныхъ рѣчей, о важномъ значеніи въ нихъ изъясненія гербовыхъ атрибутовъ восхваляемаго лица знаемъ, благодаря лѣтописи Величко, сохранившей одну изъ такихъ рѣчей ²⁾.

Такимъ образомъ произведенія, въ которыхъ помѣщались герботолкованія, въ южной Руси были почти столь же разнообразны, какъ и въ Польшѣ; не было только здѣсь однихъ гербовниковъ,—обстоятельство, объясняемое, между прочимъ, уже и тѣмъ, что южно-русское дворянство, исключая нѣкоторыя княжескія фимиліи Рюриковичей и Гедиминовичей, не имѣло *собственныхъ* гербовыхъ клейнодовъ, но заимствовало ихъ отъ сосѣдственной Польши, гдѣ гербовниковъ было достаточное количество.

Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, герботолкованія, будучи вызваны духомъ времени, обязаны были своимъ распространеніемъ въ этой странѣ преимущественно тому обстоятельству, что представлялись для панегиристовъ дѣломъ очень выгоднымъ. Это явленіе имѣло мѣсто и въ южной Руси. Южно-русскіе писатели XVII в., воскуривая енимъ предъ гербами свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, имѣли при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, свои личные интересы. Правда, это основное побужденіе, вызывавшее со стороны духовныхъ писателей панегиризмъ гербовымъ

¹⁾ Стр. 300. 301.

²⁾ Т. III, стр. 9—12.

клейнодамъ и лицамъ ихъ имѣвшимъ, они старались иногда такъ или иначе замаскировывать. Такъ напр., *послушенцы* монастыря Кіево-печерскаго, поднося своему новому архимандриту Іосифу Тризвѣ съ обычнымъ посвященіемъ книгу *Тридіонъ си есть Триписнецъ* (изд. 1648 г., въ Кіевѣ), побужденія къ тому мотивировали слѣд. образомъ: св. апостолъ Павелъ, по вдохновенію отъ Св. Духа, сказалъ: труждающемуся дѣлателью прежде подобаетъ отъ труда вкусити, а въ семь нашемъ трудѣ было твое благословеніе отцовское и стараніе всякое; по этому, по справедливости, ни кому иному какъ тебѣ—нашему высочайшему предводителю—слѣдуетъ воспользоваться первотинами подъятыхъ трудовъ. Еще къ тому мы имѣли и слѣдующее правдивое побужденіе. У персовъ есть достойный хвалы обычай, чтобы новоизбранному своему королю подносить въ даръ то, что болѣе всего соотвѣтствовало его новому положенію. По этому, новоизбранный, Богомъ дарованный намъ отче и настырю, и мы старались о томъ, чтобы почтить тебя соотвѣтственно твоему новому званію, поднести духовному духовный *упомянокъ*. Впрочемъ, всего этого требовала справедливость (слушность), по была къ тому и необходимость: ни одинъ клейнодъ не могъ такъ украсить нашъ трудъ, какъ *Тризіанская млія* (эмблема въ гербѣ І. Тризны—см. рис. XII), данная дому Вашего Преподобія за достойныя неба добродѣйства вашихъ высоце урожденныхъ предковъ. (За тѣмъ слѣдуетъ доказательство этой мысли посредствомъ герботолкованія ¹⁾). Но такое маскированіе основныхъ побудительныхъ причинъ, вызывавшихъ со стороны духовныхъ писателей ХVII в. панегиризмъ клейнодамъ и фамиліямъ ихъ употреблявшимъ, встрѣчается рѣдко. Панегиристы, большею частію, довольно откровенно или высказываютъ, или даютъ чувствовать настоящія побужденія, руководившія ими при означенномъ дѣлѣ. Побужденія эти—съ одной

¹⁾ См. предмову до Іосифа Тризны въ указанной книгѣ.

стороны желаніе отблагодарить магната за оказанныя имъ панегиристу услуги, а съ другой вызвать его на новыя благодѣянія. Такъ напр., іеромонахъ Памва Берында, посвятилъ свое сочиненіе—*Лексиконъ словеноросскій и именъ толкованіе* (изд. 1627 г., въ Кіевѣ) панамъ Димитрію и Даніилу Балабанамъ, т. е. помѣстивъ на оборотѣ заглавнаго листа книги гербъ ихъ фамиліи и къ нему истолковательныя вирши, причину *дедикованія* и *офберованія* своей працы объясняетъ такъ: «я жилъ въ знаменитомъ домѣ вмѣстѣ съ святопреставльшимися милыми родителями вашей милости—съ его милостію паномъ Феодоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ и ея милостію панією Матроною Михайловною Сербиковною, хорунжею волынскою, и такъ какъ, живя у вашихъ родителей и пользуясь ихъ добродѣйствомъ въ широкихъ размѣрахъ, я въ то время положилъ начало своему настоящему труду, то въ сей же домъ и вношу оный, дедикую и оферую его вамъ, моимъ милостивымъ панамъ. Этимъ я приношу благодарность какъ вамъ потомкамъ моихъ благодѣтелей, такъ и всѣмъ вашимъ родичамъ—живымъ и умершимъ (слѣдуетъ исчисленіе родственниковъ)». Но кромѣ благодарности за прежде оказанныя благодѣянія Памва Берында, посвящая свою книгу панамъ Балабанамъ, имѣлъ въ виду и другую цѣль, именно—вызвать и дѣтей на такія же добродѣйства, какими онъ пользовался отъ родителей. «Ласково принявше сію мою працу, говоритъ онъ, *прошу васъ обратитъ свои ласки какъ на меня давнаго, такъ и на чадое мое Лукіана Берынду новаго и усерднаго слугу своего*» ¹). Подобный утилитарный взглядъ на герботолкованія и вообще панегиризмъ сильнымъ міра можно встрѣтить и въ другихъ посвятельныхъ предмовахъ, писанныхъ духовными писателями XVIII в. до ясновельможной знати ²). При этомъ замѣтимъ, что истолко-

¹ См. предм. до пан. Балабановъ въ указан. книгѣ.

² См. напр. посвят. предмовы, помѣщ. въ *Бесѣдахъ Элм.*

ваніємъ дворянскихъ клейнодовъ, какъ средствомъ для достиженія личныхъ цѣлей пользовались не только духовные писатели, стоящіе на не высокихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, но и лица высокопоставленные. Такъ напр., *Евангеліе Учительное*, изд. въ Кіевѣ 1637 г. было посвящено митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ нами уже замѣчено, двумъ вліятельнымъ личностямъ: Проскурѣ-Сушанскому, писарю земли кіевской и Богдану Стеткевичу Любомірскому, подкоморому Мстиславскому. Причину, заставившую выпускаемую въ свѣтъ книгу дедиковать и оферовать означеннымъ магнатамъ, Петръ Могила объясняетъ тѣмъ, что какъ тотъ, такъ и другой «матку церковь во время барзо (очень) острыхъ для нея вѣковъ обороняли, стоя за нее грудью на общихъ сеймахъ и сеймикахъ». Но за этимъ, высказаннымъ Могилою, побужденіемъ къ означенному посвященію скрывалось и другое едва ли не болѣе существенное. Это побужденіе сдѣлается для насъ очевиднымъ, если примемъ во вниманіе, что *Евангеліе Учительное* издано въ августѣ 1637 года, а въ слѣдующемъ году имѣлъ быть сеймъ, на которомъ, какъ депутаты должны были присутствовать Проскура-Сушанскій и Богданъ Стеткевичъ ¹).

Смотря на истолкованія дворянскихъ гербовъ и вообще панегирики магнатамъ, какъ на одно изъ вѣрныхъ средствъ для достиженія личныхъ цѣлей, южно-русскіе духовные писатели XVII в., очевидно, въ видахъ собственной выгоды, должны были придавать этой отрасли литературы особенно важное значеніе. Такъ дѣйствительно и было. Посвященіямъ, или, какъ тогда выражались, *приписываньямъ книгъ* (т. е. помѣщенію въ началь-

на 14 посл. св. ап. Павла (Кіевъ, 1623 г.), въ *Толкованіи на Апокал. св. А. Критскаго* (Кіевъ, 1625 г.) и нѣк. др.

¹, Дѣйствительно Сушанскій былъ на сеймѣ 1638 г. (Herb. Niesiec. т. VII 502); былъ ли на немъ Стеткевичъ, — не знаю.

ныхъ листахъ книги герба, толковательныхъ къ нему виршей и панегиристической предмовы до магната) духовные писатели старались усвоить первостепенную важность: это были, по ихъ увѣреніямъ, какъ бы дипломы, которые можно выдавать только лицамъ особенно знаменитымъ и потому выдавать съ большею осторожностію. «Когда мы *тщательно разсматривали*, обыкновенно говорится въ посвяtitельныхъ до магнатовъ предмовахъ, кому бы *славящемуся ревностію къ церкви* и въ зацной Рѣчи посполитой *старожитностію и великою славою знаменитому* оефоровать сію книгу, то, по *долгомъ размысли*, рѣшили ни кому иному, какъ тебѣ *столь знаменитому и сильному пану*» ¹⁾. Такое важное значеніе южно-русскіе духовные писатели XVII в. придавали герботолкованіямъ и вообще панегирикамъ, основываясь на томъ, что этими произведеніями упрочивалась слава восхваляемыхъ въ нихъ магнатовъ, *анимушъ панскій заострялся*, какъ выражались въ то время. «Слава и память долготѣнная, говорится въ одной посвяtitельной до магната предмовѣ, сохраняется только въ правдивыхъ исторіяхъ и *приписываньи* книгъ; только это славу людскую животворить. Померли многіе цезари, короли и княжата, а вмѣстѣ съ ними померли бы и ихъ дѣльныя sprawy, если бы письмо не оживляло ихъ; померли *моцареве, олбрымове и богатыреве*, а вмѣстѣ съ ними полегли бы и подвиги ихъ мужества и ихъ добродѣйсва, но до этого недопускаеть письмо, которое можетъ сохранить добрую славу на долгія лѣта» ²⁾. «Цѣль дедикованья сей книги, говорится въ дру-

¹⁾ См. посвят. предм. въ книгахъ: *Paterikon* Сил. Коссова (изд. 1835 г., въ Кіевѣ), *Еванг. Учит.* (изд. 1637 г., въ Кіевѣ), *Тріодіонъ си есть тріпѣснецъ* (изд. 1648 г., въ Кіевѣ) и мн. др.

²⁾ См. посвят. предм. до к. Юр. Чарторяжскаго въ *Еванг. Учит.*, изд. 1619 г., въ Рахмановѣ.

гой посвяtitельной предмовѣ ¹⁾, та, *абы не тылько тль вѣка, але (но) и потомные часы* читали о тебѣ ревностномъ сынѣ православной церкви». Притомъ, такъ какъ истолкованія дворянскихъ гербовъ и вообще восхваленія магнатовъ весьма часто помѣщались въ посвяtitельныхъ мѣстахъ при книгахъ духовнаго содержанія ²⁾, то авторы означенныхъ произведеній, чтобы усилить значеніе расточаемыхъ ими похвалъ, не упускали иногда изъ виду и этого обстоятельства; именно, они старались въ подобныхъ случаяхъ, для возвышенія цѣнности своего панегиризма, приписывать его какъ бы самой церкви. «Кто можетъ выразить, говоритъ Петръ Могила въ посвяtitельной предмовѣ до Проскуры Суцанскаго, кто можетъ вполнѣ выразить вашей милости благодарность за знаменитыя услуги сдѣланныя на пользу вѣры?—Не по силамъ этотъ трудъ никому изъ смертныхъ: ни Апелесамъ, ни Протоноссамъ, ни другимъ славнымъ живописцамъ.... Только одна церковь можетъ достойно отблагодарить вашу милость, что она въ настоящее время и дѣлаетъ, дедукуя сію книгу—Еванг. Учительное имени и знаменитому клейподу вашей фамиліи» ³⁾. «Если, говоритъ Захарія Копыстенскій, въ предмовѣ зачне уроковому его милости пану Григорію Далмату, помѣщенной въ *Толкованіи на Апокалипсисъ* св. А. Критскаго (изд. 1625 г., въ Кіевѣ), если Гекторъ, будучи похваленъ отъ отца за свои особенныя добродѣтели, сказалъ: я радъ, что ты, мужъ столь знаменитый, хвалишь меня,—то какъ долженъ радоваться тотъ, кто отъ матки своей церкви хваленъ бываетъ!» (т. е. чей гербъ съ

¹⁾ См. тѣ экземпляры *Еван. Учит.*, изд. 1637 г., въ Кіевѣ, которые были преднесены Б. Сіеткевичу.

²⁾ Обстоятельство, зависящее отъ того, что въ то время выходили въ свѣтъ преимущественно книги дух. содержанія.

³⁾ См. тѣ экзempl. *Еванг. Учит.*, изд. 1637 г., въ Кіевѣ, которые были посвящены П. Суцанскому.

истолковательными къ нему виршамъ помѣщается на оборотѣ заглав. листа книгъ духовнаго содержанія).

Переходимъ къ разсмотрѣнію характерныхъ чертъ герботолкованій, находящихся въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII вѣка.

Выяснимъ предварительно точку нашего зрѣнія относительно этого предмета.

Дѣлая краткую характеристику польскихъ герботолкованій, мы говорили, что въ нихъ нельзя найти *описанія* дворянскихъ клейнодовъ *въ смыслъ геральдическомъ*, но можно встрѣтить только *указанія на нѣкоторые гербовые атрибуты*, именно на тѣ (преимущественно эмблеммы), которые писатели считали болѣе пригодными для осуществленія своей цѣли—восхвалить магната, взявъ за исходную точку панегиризма его клейнодъ; говорили также, что всѣ герботолкованія въ польской литературѣ, не исключая даже помѣщенныхъ въ гербовникахъ, не представляютъ ничего подобнаго западно-европейскимъ *Helmesschau, Tourpierchau*, гдѣ изъясненія гербовъ производились по строго опредѣленнымъ правиламъ,—что это были не болѣе, какъ панегирики шляхетскимъ клейнодамъ и фамиліямъ ихъ имѣвшимъ, отличавшіеся отъ прочихъ подобныхъ произведеній только тѣмъ, что въ нихъ за исходную точку панегиризма брались большею частію гербовые атрибуты и уже къ нимъ, путемъ схоластическихъ пріемовъ, прицѣплялось сообразное съ желаніемъ автора содержаніе.—Сказанное нами объ *основныхъ* чертахъ польской герботолковательной литературы вполне приложимо и къ герботолкованіямъ южно-русскимъ: наши духовные писатели XVII в., подражая польскимъ, тоже смотрѣли на гербовые клейноды не болѣе какъ на предлогъ, какъ на ступень къ прославленію все-сильнаго вельможества, и потому при герботолкованіяхъ преслѣ-

довали цѣли не *геральдическія* (геральдическое описаніе и толкованіе клейнода), но *панегирическія* (прославленіе патрона).

Но если, такимъ образомъ, описанія и толкованія дворянскихъ гербовъ въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в. не представляютъ интереса геральдическаго, суть не что иное какъ панегирики шляхетскимъ клейнодамъ и фамиліямъ ихъ имѣвшимъ: то имѣютъ ли онѣ для нашего времени какое нибудь научное значеніе, могутъ ли подлежать серьезному разсмотрѣнію?

Очевидно, что этотъ вопросъ сводится къ другому болѣе общему, именно: могутъ ли останавливать на себѣ серьезное вниманіе вообще сочиненія панегирическаго характера?

Нѣкоторые отвѣчаютъ на поставленный вопросъ отрицательно. Такъ, напр., г. Пекарскій, принимая во вниманіе преувеличеніе и сервиллизмъ панегириковъ, зависящіе отъ утилитарнаго взгляда ихъ составителей на свои занятія, сомнѣвается, чтобы означенныя сочиненія могли подлежать серьезному разсмотрѣнію; онѣ, по его мнѣнію, служатъ только матеріаломъ для объясненія нравственной стороны извѣстной эпохи. такъ какъ изъ нихъ видно, въ какой степени и мѣрѣ авторъ не считалъ непреличнымъ выражать свой обязательный восторгъ ¹⁾). Но мы не можемъ согласиться съ этимъ. Правда, что тѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, которыя встрѣчаются въ панегирическихъ сочиненіяхъ, давать большой вѣры нельзя, тѣмъ болѣе ошибочно это дѣлать по отношенію къ реестру достоинствъ, изготовляемому услужливою рукою панегириста для своего патрона; но при всемъ томъ, нельзя отказать означеннымъ произведеніямъ въ довольно значительномъ и научномъ интересѣ. Дѣло въ томъ, что панегирики

¹⁾ Наука и лит. въ Рос. при П. Великомъ т. I, 362. Подобный же взглядъ на панегирики высказываетъ г. Пекарскій и въ ст. «Предст. Киев. учен.» (Отеч. Зап. за 1862 г.).

магнатамъ, служа мало достовѣрнымъ матеріаломъ по отношенію къ прославляемымъ лицамъ, въ тоже время представляются вполне достовѣрными памятниками *тѣхъ идеаловъ*, какіе царили въ современномъ имъ обществѣ. Писатель, задавшись мыслию угождать своему добродѣви—магнату, во что бы то ни стало превознести его, очевидно, долженъ былъ въ своемъ панегирикѣ покривить душою, приписать хвалимому лицу такія достоинства, которыхъ тотъ, пожалуй, вовсе и не имѣлъ; но тоже самое побужденіе заставляло панегириста, при прославленіи, выставять на видъ *такія достоинства* патрона, *которыя могли бы ему послѣднему особенно нравиться*, и которыхъ самъ панегиристъ считалъ за *особенно цѣнные*...

Сказаннымъ нами опредѣляется точка зрѣнія, съ которой мы намѣрены разсматривать описанія и истолкованія дворянскихъ гербовъ въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII в.,—именно, мы постараемся проанализировать содержаніе этого отдѣла южно-русской литературы, показать, на что писатели обращали особенно вниманіе при прославленіи знати, какое старались придавать гербовымъ атрибутамъ клейнода значеніе, и какія, на основаніи этого, приписывали владѣльцамъ ихъ достоинства.

Но кромѣ содержанія панегиристическія сочиненія не безъ интереса могутъ быть разсматриваемы и со стороны формы. Какъ анализъ перваго можетъ рисовать предъ нами тѣ идеалы, какіе царили въ современномъ означеннымъ произведеніямъ обществѣ, такъ разсмотрѣніе послѣдней знакомитъ насъ съ тѣмъ направленіемъ, которое принимала въ извѣстное время школьная образованность. Это заставляеть насъ обратить вниманіе и на другую сторону южно-русскихъ герботолкованій, именно на тѣ приемы, какіе употреблялись духовными писателями XVII в. для достиженія главной цѣли означенныхъ произведеній—восхвалять магнатовъ, взявъ за исходную точку похвалы гербовые ихъ клейноды.

I.

Мы видѣли, что самыми цѣнными качествами человѣка въ проникнутой шляхетской теоріями Польшѣ были—старожитность клейнода и фамиліи, а также благородство послѣдней. Съ точно такими же взглядами мы встрѣчаемся и при разсмотрѣніи герботолкованій въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей: старожитность герба, древность фамиліи и ея родовитость и здѣсь стоятъ на первомъ планѣ; выставить на видъ эти достоинства и южно-русскіе панегиристы считаютъ непремѣнною своею обязанностію.

Указаніе на старожитность гербоваго клейнода почти всегда входитъ уже въ самыя заглавія южно-русскихъ герботолковательныхъ эпиграммъ; почти всѣ онѣ озаглавливаются не иначе какъ—*на старожитный* клейнодъ презацной фамиліи такой-то. Упоминаніе о старожитности клейнода входитъ иногда и въ самыя эпиграммы на него; такъ напр. истолковательныя вирши на гербъ князей Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа Библии, изд. 1381 г. въ Осгровѣ, имѣютъ такое начало:

Зри сія знаменія княжати славнаго,

ихже дръжитъ (держитъ) *домъ его отъ вѣка давнаго.*

Иногда въ герботолкованіяхъ опредѣляется время давности клейнода. Такъ напр., въ одной изъ эпиграммъ на гербовой клейнодъ Адама Киселя, помѣщенныхъ въ сочиненіи Коссова Paterikon, говорится: «въ полѣ шатерь, а подъ нимъ блеститъ крестъ святой ¹⁾»: то жилище Марса, *то гербъ прибрѣтенный при Влади-мирѣ*. Этотъ знакъ носилъ Свентолдичъ, котораго Русь назвала Киселемъ за славное изобрѣтеніе ²⁾. Иногда же духовные писа-

¹⁾ Шатерь и крестъ были эмблемами въ гербѣ означеннаго магната. См. рис. X.

²⁾ О Свентолдичѣ, родоначальникѣ Адама Киселя, и его славномъ изобрѣтеніи Коссовъ говоритъ болѣе подробно въ посвяtitель-

тели, обращая вниманіе на гербъ магната, не только опредѣляютъ время его давности, но и рассказываютъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ данъ былъ фамиліи. Такъ напр., Петръ Могила въ посвятитѣльной предмовѣ до Проскуры-Сушанскаго, помѣщенной въ *Евангеліи Учительномъ* (изд. 1637 г., въ Кіевѣ), увѣряетъ, что отгравированный на оборотѣ заглавнаго листа посвящаемой книги гербъ (см. рис. XI) данъ былъ еще при Святополкѣ въ 1059 г. Ивану Сушанскому за его доблестныя дѣла на пользу вѣры и отечества. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, послѣдніе два отрывка въ рассматриваемой нами отрасли южно-русской литературы, суть единственные, гдѣ точно опредѣляется время, съ котораго фамиліи прославляемыхъ магнатовъ начали употреблять гербовые знаки. Обыкновенно же южно-русскіе герботолкователи считали за нужное только указать на старожитность гербоваго клейнода, не вдаваясь при этомъ въ подробности; говорили, что клейнодъ старожитенъ, фамилія держитъ его отъ временъ давнихъ,—но и только. Причина этого заключалась, кажется, главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что южно-русское дворянство стало употреблять гербовые клейноды только съ XV в., и потому въ XVII столѣтіи не могло похвалиться особенною давностію ихъ приобрѣтенія; прибѣгать же въ этомъ случаѣ къ неправдѣ, говорить, что гербовые знаки извѣстная фамилія получила уже нѣсколько вѣковъ, духовные писатели, при свѣжести факта, по всей вѣроятности, считали дѣломъ нерациональнымъ.

Но что касается до старожитности фамиліи, то духовные писатели XVII в., касавшіеся этого предмета, не ограничивались только общими мѣстами¹⁾: они почти всегда очень подробно рас-

ной предмовѣ до своего патрона; ниже мы приводимъ изъ нея выдержку.

¹⁾ Собственно въ эпиграммахъ на клейноды панегиристы, если касались старожитности фамилій, то касались только въ общихъ чер-

пространялись о генеалогіи восхваляемых ими магнатовъ, пользуясь при этомъ отчасти хрониками польскими (преимущественно Стрыйковскимъ) и русскими, а отчасти давая ходъ и собственной фантазіи. Впрочемъ подробности въ означенномъ случаѣ касались только начала и конца родословій, т. е. когда рѣчь шла о предкахъ хвалимаго лица или близкихъ ко времени автора, и потому болѣе или менѣе ему извѣстныхъ, или на столько отдаленныхъ, что вымысль о нихъ, передаваемый панегиристомъ, не могъ возбуждать протеста со стороны критики, при тогдашнемъ ея положеніи; относительно же посредствующихъ звѣньевъ родословной лѣстницы генеалогисты благоразумно умалчивали, или не выставляя на то никакой побудительной причины, или отзываясь тѣмъ, что о дѣятельности дальнѣйшихъ потомковъ магната *per longam temporum seriem* трудно узнать изъ русскихъ фрагментовъ ¹). По этому означенныя генеалогіи мало представляютъ достовѣрнаго историческаго матеріала и имѣютъ значеніе преимущественно какъ памятники стремленій современнаго имъ общества. Для ознакомленія съ характеромъ этихъ родословій привести нѣсколько отрывковъ изъ нихъ. «Въ то время—начинаетъ генеалогію кня-

тахъ (См. напр. эпиграммы на старожитный клейнодь к. Четвертинскихъ въ начальныхъ листахъ книги Казьнофойскаго «Тераторуѣи»—изд. 1638 г., въ Кіевѣ); фактическое же доказательство этого цѣннаго по понятіямъ того времени) качества отлагалось ими до посвятительныхъ предмовъ, гдѣ обыкновенно подробно излагалась генеалогія восхваляемаго магната. Слѣдовательно предмовы до пановъ служили какъ бы *дополненіемъ и поясненіемъ* нѣкоторыхъ мыслей, кратко высказанныхъ въ герботолковательныхъ эпиграммахъ. Для большей цѣльности взгляда мы, при разсмотрѣніи внутренняго содержанія герботолкованій въ произведеніяхъ дух. писателей XVII в., не будемъ оставлять безъ вниманія и прочей южно-русской панегирической литературы.

¹/ См. предисл. до А. Киселя въ Paterikon'ѣ Коссова.

зей Чарторижскихъ К. Транквилліонъ—когда между Юліемъ Цезаремъ, угнетавшимъ римское панство, и знаменитымъ сенаторомъ Помпеемъ, защищавшимъ интересы послѣдняго, возгорѣлась война, то дѣятельное участіе въ оной принялъ, въ качествѣ союзника Помпеева, знатный мужъ Публиусъ Палемонъ. Сей послѣдній, обороняя панство, нанесъ сильное пораженіе гетману Цезаря; но послѣ того какъ Помпеемъ проиграна была главная битва, Палемонъ, видя, что непріятель одерживаетъ верхъ и еще болѣе усиливаетъ свое тиранство надъ *свѣтяжоными*, съ нѣсколькимистами людей отправился на корабляхъ въ другія земли и моря—Средиземнымъ, Нѣмецкимъ (Атлант. океанъ) и Балтійскимъ дошелъ до устья рѣки Нѣмана. Высадившись въ этой мѣстности, путешественники нашли прекрасныя дубравы и широкія урожайныя поля съ разнообразными родами растеній и выбрали для своего обитанія одно изъ лучшихъ мѣстъ, назвавъ его, по причинѣ плодородія. *жмудю*. Такъ какъ здѣсь въ то время почевали *цимброве* и *гептодове*—народъ грубый, не имѣвшій никакой гражданственности, то оный славный сенаторъ римскій Публиусъ Палемонъ, собственный (власный) потомокъ князей Чарторижскихъ, началъ панствовать надъ нимъ и приводить его до добрыхъ обычаевъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ историки—Корнеліушъ, Агриппа, Плибіушъ и Кромеръ въ к. з.». За тѣмъ исчисляются дѣянія, какъ самага Палемона, такъ и ближайшихъ его потомковъ Керпува, Наримунта и Троидила. Сказавъ о подвигахъ послѣдняго, Транквилліонъ *мигуетъ*, какъ онъ выражается, многихъ нныхъ потомковъ Публиуса и начинаетъ такимъ образомъ прерванную генеалогію уже съ Витенеса, отца Гедиминова ¹⁾... Сильвестръ Коссовъ, посвящая *Paterikon* своему велпе милостивому пану А. Киселю Свентольдичу, о родѣ его говоритъ слѣдую-

¹⁾ См. предисл. до вн. Юр. Чарторижскаго въ *Еванг. Учит.*, изд. въ Рохмановѣ, 1619 г.

щее: «Нъ русскихъ лѣтописцевъ дочитался и узналъ я, что славные предки вашей милости, панъ подкоморій (Адамъ Кисель), начало и титулъ свой возымѣли въ одно время съ Кіевомъ, столицю княжествъ русскихъ народовъ. Ихъ смѣло можно называть первоначальными обитателями (aborigènes)... Прежде всего славный предокъ вашей милости, Свентольдичъ, во времена славнаго русскаго монарха Владиміра былъ военачальникомъ (Hetman) русскихъ войскъ. Когда самъ единодержавный монархъ русскій пребывалъ въ великомъ Новгородѣ и печенѣги, дикій народъ (имя котораго сгладила потомъ русская сабля) напали на Кіевскую столицю, то Свентольдичъ, мужественно собравшись съ Кіевскимъ рыцарствомъ, не только далъ отпоръ непріятелю, но, когда послѣдній уже сильно надѣялся выморить кіевлянъ голодомъ, придумалъ стратагему, которою отстоялъ своему монарху столицю и стяжалъ себѣ новое прозваніе Киселя, благополучно удерживающееся и до нашихъ дней. Когда, Разинае, или, какъ называютъ ихъ славяне, печенѣги начали брать верхъ и сами осажденные, истомляемые голодомъ, стали падать духомъ, то помянутое изобрѣтеніе Свентольдича укрѣпило своихъ и поразило непріятеля. Онъ ночью приготовилъ два колодца—одинъ съ сладкою водою, растворенною медомъ, а другомъ—съ заквашеннымъ макомъ и увѣрилъ своихъ, что боги даютъ имъ пищу и питье изъ земли, чтобы мужественно защищали свою столицю; а непріятель, видя такую заботливость боговъ ихъ, потерялъ надежду взять городъ осадю при помощи голода. Такому способу *superstitiosa vetustas* (суевѣрная старина) повѣривши и отнеся то къ своимъ языческимъ богамъ, воодушевила кіевлянъ къ оборонѣ и отразила печенѣговъ, а кушанье съ заквашеннымъ макомъ и самага изобрѣтателя назвала Киселемъ. Объ этомъ пространно свидѣтельствуютъ всѣ русскія лѣтописи и завезенныя отъ русскихъ князей въ Москву хроники; не забыли того и польскіе историки, какъ древнѣйшіе, такъ и *compendiosus*. И такъ, прежде чѣмъ Владиміръ

принялъ св. крещеніе и вѣру, предокъ вашей милости тотъ титулъ получилъ отъ старыхъ Роксолановъ, которые названіе вещамъ отъ людей и людямъ отъ вещей давать привыкли. Онъ же съ знаменитымъ монархомъ своимъ тѣмъ же Владиміромъ крещеніе и вѣру принялъ». За тѣмъ говорится, что о дальнѣйшихъ потомкахъ Киселя и ихъ подвигахъ трудно узнать изъ русскихъ фрагментовъ (такъ какъ греческіе историки о російскихъ сарматахъ писали, что они владѣли саблею и ходили по свѣту, но пера не знали) и идетъ перечень предковъ Киселя уже со времени польскаго владычества надъ Кіевомъ.

Въ подобномъ же духѣ съ сильнымъ стремленіемъ возвести родъ хвалимаго лица ко временамъ сколь возможно отдаленнымъ, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить и самое прозваніе его фамиліи ¹⁾, излагались южно-русскими духовными писателями XVII в. и другія генеалогіи ясновельможныхъ фамилій, обыкновенно помѣщавшіяся кромѣ посвятительныхъ предмовъ, въ нарочито составляемыхъ для этой цѣли стихотвореніяхъ ²⁾, надгробныхъ проповѣдяхъ ³⁾ и панегирикахъ ⁴⁾.

¹⁾ Кромѣ вышеприведеннаго отрывка изъ посвятительной предмовы до Адама Киселя, гдѣ между прочимъ, какъ видѣли, объясняется прозваніе этого магната, укажемъ на одно еще болѣе курьезное подобное же объясненіе. Петръ Могіла въ предмовѣ до Проскуры Сущанскаго, помѣщенной въ *Еванг. Унит.* (изд. 1637 г.), прозваніе его (Проскура) производитъ отъ того, что одинъ Сущанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести во дворецъ изъ церкви греческая царевна Анна, супруга князя Владиміра.

²⁾ «Терхоторутца» стр. 306.

³⁾ См. напр., Казане погребовое надъ тѣломъ п. Іліи Святополка Четвертинскаго. Оксеновича—Старушича (изд. 1641 г. въ Кіевѣ).

⁴⁾ Въ произведеніяхъ послѣдняго рода, т. е. панегирикахъ помѣщались иногда даже портреты родоначальниковъ восхваляемыхъ магнатовъ. Такъ напримѣръ въ *Евхаристиріонъ або Вдычности* (изд. 1632 г. въ Кіевѣ), панегирикъ, посвященный Петру Могилѣ на Пасху отъ студентовъ риторическаго класса его гимназій, находится, между прочимъ, изображеніе Мудія Сцеволы почитавшагося весьма серіозно родоначальникомъ Могі-

Не меньшее значеніе духовные писатели, воскуривавшіе оумѣмъ предѣ яснѣйшими панамъ, придавали и *защности* происхожденія, благородству крови. Указаніе на это качество почти всегда входило въ заглавіе герботолковательныхъ эпиграммъ (на старожитный клейнодъ *презациной* фамиліи такой-то) и очень часто въ самыя эпиграммы. Но въ означенныхъ мѣстахъ панегиристы говорили о благородствѣ происхожденія, подобно какъ и о старожитности, только въ общихъ чертахъ, т. е. что восхваляемый ими панъ *презацинъ, вельможенъ, славенъ своею фамиліею во всей савромматѣ* и т. п. ¹⁾; фактическое же доказательство этого, по понятіямъ того времени, цѣннаго качества, опять таки откладывалось до посвяtitельныхъ панамъ предмовъ, гдѣ уже весьма подробно доказывалось благородство фамиліи прославляемаго магната, перечислялись всѣ знатные его родственники, указывались блестящія связи. Кромѣ посвяtitельныхъ предмовъ къ книгамъ, прославленіе благородства происхожденія входило также, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ панегирики и надгробныя проповѣди. Вотъ отрывокъ подобнаго рода прославленій: «Шата (одежда) высоце-презацинаго дому ихъ милостей князей Четвертинскихъ, говоритъ Оксеновичъ Старушничъ въ поименованномъ казаніи погребовомъ, *весьма драгоценна*, потому что ведетъ свое начало отъ славныхъ богатырей и самодержцевъ русскихъ князей — Рюрика, Игоря и Святослава. *Шата та весьма дорога, потому что она выткана изъ крови Цезарской*. Извѣстно, что когда самодержецъ русскій князь Владиміръ. предокъ

ловъ: онъ представленъ стоящимъ на Парнасѣ въ римской одеждѣ, въ шлемѣ и съ мечемъ; правая рука его въ огнѣ, а лице обращено къ небу, откуда рука изъ облаковъ подаетъ ему крестъ, скипетръ и корону.

¹⁾ См. эпиграммы на клейноды на оборотѣ заглавнаго листа: *лексикона Славеноросскаго* Памвы Беринды (изд. въ Кіевѣ, 1627 г.), *Номоканона* (напеч. во Львовѣ 1646 г.); *Толкованія на апокалипс.* св. А. Критскаго (изд. 1625 г., въ Кіевѣ) и на др.

лхъ милости князей Четвертинскихъ, просвѣтлившій землю Россійскую св. крещеніемъ, паступалъ на грековъ войною, — пезари греческіе Василій и Константинъ, дабы освободить свое отечество отъ опустошенія огнемъ и мечемъ, предложили ему въ супружество свою родную сестру Анну, на что тотъ и согласился».

Далѣ Оксеновичъ говоритъ, что кромѣ того шата князей Четвертинскихъ *преоздоблена* (разукрашена) *кровію Чесарскою*, такъ какъ предокъ ихъ Владиміръ Мономахъ былъ увѣнчанъ короною Чесарскою; что *уткана она кровію монарховъ и королей польскихъ*, потому что вѣчной памяти король польскій Казиміръ первый имѣлъ въ замужествѣ за собою княжну Марію, сестру князя Ярославъ, предка ихъ м. кн. Четвертинскихъ (представляются и другіе примѣры); что *тою шатою одѣваются князья Збаразскіе, Заславскіе, Сангушки и Прунскіе; знаются до нея и князья Московскіе*.

Такое важное значеніе въ южно-русской панегирической литературѣ старожитности и родовитости опиралось на тѣхъ же аргументахъ, на которыхъ оно покоилось и въ Рѣчи Посполитой. Такъ старожитность въ южной Руси, подобно какъ и въ Польшѣ, почиталась знакомъ особеннаго Божьяго благословенія. «Перевелись тѣ люди, говоритъ Афанасій Кальнофойскій въ стихотвореніи о старожитности дома ясно освѣщенныхъ князей Четвертинскихъ, которые происходили изъ Руси. Нѣтъ уже Олельковичей, плачутъ по Острожескихъ, не замѣтно въ польскомъ сенатѣ великихъ Збаразскихъ, пошли невѣдомою дорогою Прунцы; Розины направили свой корабль въ невѣдомый портъ — только силы Четвертинскихъ въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ растутъ... очевидно, что Богъ благословилъ ихъ» ¹⁾. Сильвестръ Коссовъ, сказавъ о старожитности фамиліи Адама Киселя, видитъ въ этомъ божественное провидѣніе, устроившее, что возставшій за 600 лѣтъ

¹⁾ Тархторггца стр. 306.

родъ еще продолжается ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Оксеновичъ—Старушичъ, что гербовой клейнодъ князей Четвертинскихъ, *доліе вѣки въ томъ дому пребывающій*, означаетъ *благоволеніе Божіе* надъ этимъ домомъ ²⁾. Что касается до благородства происхожденія, то цѣнность и этого качества въ южной Руси, подобно какъ и въ Польшѣ, основывалась также на Божественной санкціи. Взглядъ на этотъ предметъ былъ чисто польскій. «Умирающій Ной, говоритъ Оксеновичъ-Старушичъ въ своей проникнутой шляхетско-польскими теоріями надгробной проповѣди, не съ одинаковою щедростію надѣлилъ своихъ сыновей; такъ Симъ духовною преоздобилъ шатю, Іафета—въ королевскую убралъ пурпуръ, и Хама—холопскою, орацкою покрылъ гунею. *Отсель-то и почался Богъ ховати* (началъ любить) *въ людяхъ, которые посягъ шатю священническую и королевскую. Вотъ почему высокость урожденія отъ крови княжеской есть великое свидѣтельство Божіей патронности*». Подобный же взглядъ на благородство происхожденія можно встрѣтить, хотя и не въ такой наготѣ, и у другихъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в. Такъ напримѣръ Петръ Могила въ посвянительной предмовѣ до князя Іеремиѣ Вишневецкаго, помѣщенной въ проповѣди на *крестъ Христа Спасителя и всякаго челоуька* (изд. 1632 г. въ Кіевѣ), называетъ дворянство *Іафето-шляхетскимъ народомъ*; въ предмовѣ, помѣщенной при *бесѣдахъ Златоустаго на дѣяніе св. Апостолъ* (изд. 1624 г. въ Кіевѣ), дѣлая различія между сословіями, называетъ дворянство *пресвѣтлымъ родомъ* Іафето-россійскимъ ³⁾...

¹⁾ См. Paterikon.

²⁾ Казане погребовое надъ тѣломъ к. Святош. Или Четвертинскаго.

³⁾ Искренно ли наши южно-русскіе духовные писатели XVII в. высказывали подобный глубоко безнравственный взглядъ на сословія, или дѣлали это изъ угожденія всецѣльному вельможеству? Не рѣшая этого вопроса, мы замѣтимъ только, что при другихъ обстоятельствахъ они превозносили мысли диаметрально противоположныя. Такъ напримѣръ авторъ

Старожитность и благородство фамилии—эти два любимые конька южно-русского дворянства, проинициувавшегося шляхетско-польскими теоріями, хотя и входили въ южно-русскую герботолковательную литературу, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, однако не были доказываемы въ ней посредствомъ истолкованія гербовыхъ атрибутовъ. Причина этого, очевидно, заключалась въ томъ, что эмблемы клейнода выражали *только личныя дѣянія* извѣстной фамиліи, между тѣмъ старожитность и зацность крови были, какъ мы видѣли, дарами милости Божіей; свидѣтельствомъ объ означенныхъ качествахъ было уже самое право имѣть гербъ, право, свойственное только лицу благородному и потому, болѣею частію, старожитному. Но когда герботолкователи приступали къ прославленію *личныхъ дѣлъ* извѣстнаго магната или фамиліи, то въ этомъ случаѣ ступеню къ такому прославленію, исходною точкою панегиризма служили для нихъ гербовыя атрибуты восхваляемыхъ лицъ,— и преимущественно эмблемы, *какъ знаки аллегорически представляющіе совершенныя дѣянія*.... Какъ духовные писатели ХVІІ в. достигали этой цѣли, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ: теперь же обратимъ вниманіе только на внутреннее содержаніе этихъ похвалъ, т. е. рассмотримъ тѣ общественныя идеалы, какіе въ нихъ выражались.

сочиненія *λειτουργος* або *kamien*, изданнаго въ 1644 г. подъ псевдонимомъ Евсевія Пимена (Петръ Могіла, какъ думаютъ нѣкоторые) въ предисловіи, вопреки Саковичу, выставлявшему на видъ, какъ бы въ укоръ православію, отпаденіе отъ него многихъ аристократическихкихъ фамилій, между прочимъ говоритъ: Не очень послѣдовательно разсуждать, что если на Руси нѣтъ сильныхъ пановъ, такъ, стало быть, она вѣрнѣе неправо. Первобытная церковь получила свое начало не отъ пановъ, а отъ убогихъ рыбаковъ; при всемъ томъ, Господь Богъ всемогущій склонилъ сердца монарховъ и пановъ міра сего, и они увѣровали въ Христа. Найдражайшею кровію Христа искуплена душа самаго убогаго, но искренняго челоуѣка, такъ же какъ и знатнѣйшаго изъ пановъ, *почему объ души должны быть одной цѣны и вѣса* (От. Зап. 1852 г. № 2, стр. 389).

Въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, бросается въ глаза стремленіе духовныхъ писателей XVII в. придавать изъясняемымъ гербовымъ эмблемамъ, такъ сказать, *религіозно-воинственное* значеніе и, основываясь на этомъ, превозносить тѣ подвиги лица, имѣвшаго оныя, которые касались *вѣры и воинскихъ заслугъ*. Можно положительно сказать, что нѣтъ ни одного герботолкованія, которое бы не заключало въ себѣ, если не оба, то по крайней мѣрѣ одно изъ указанныхъ направленій. Въ подтвержденіе высказанной нами мысли, приведемъ нѣсколько герботолковательныхъ эпиграммъ.

а) Гербовой клейнодъ князя Константина Острожскаго, помѣщенный на оборотѣ заглавнаго листа Библии, изд. 1581 г. въ Острогѣ, изъясняется слѣдующимъ образомъ:

Вторужень воинъ змія поправъ мужественно,
копіемъ сего посредѣ пронзѣе явственно.

Яко древняго враждебника человѣческаго рода,
понеже злomu з добрымъ не бываетъ згода ¹⁾.

Боди въ князѣхъ избранный мысляного сопостата,
сего бо побѣждающимъ вѣчная заплата.

Инымъ подавай сіе непобѣдимо оружіе,
острѣйшее меча обоюду остра—слово Божіе
въ время рати
потребат'бати ²⁾.

Вторый воинъ храбростію прѣвому подобный
токмо оружіемъ отиѣненъ и то посел' гробный ³⁾.

Мечъ бо обнаженъ в десницы имѣя острый обоюду
имже крѣпци на враги приемлютъ побѣду.

Отсѣкай, Константине, мракъ идольскія лести,
хочеть бо Богъ всѣмъ человѣкомъ ся спасти.

¹⁾ Единомысліе, взаимная любовь.

²⁾ Нужно быть внимательнымъ.

³⁾ Смертоносный.

И огоняй еретиковъ полки умовредныя,
 придоша бо въ міръ волки пещадныи.
 Иже не свыше щепится ¹,
 сіе скоренится.

Всіяла звѣзда ясно отъ востока,
 послѣдую пръвой възвѣщенной отъ пророка.
 И приводитъ отъ пръсиды трехъ царей съ дары,
 поклонитися съ вѣрою цареви надъ цары.
 Твоя звѣзда нынѣ тому же послѣдуетъ цареви,
 хотя всѣхъ створити жителя раеви.

Но убываетъ луна ветхаго завѣта,
 сіяетъ бо солнце неприступнаго свѣта.
 Въ немже ходя не поткнется,
 но паче спасется.

Спасеніе Христосъ Богъ съдѣи посредѣ земли,
 на крестѣ руцѣ прострѣ всѣхъ къ себѣ приемя.
 На немъ же рукописаніе грѣхъ нашихъ разтерзавъ
 изъ ветхаго человѣка нетлѣнно новаго создавъ.

И ты крестное знаменіе не туне ²) посищи,
 великому Константину имѣся подобщи.
 Онъ бо на небеси сіе видѣвъ побѣдилъ сопостаты,
 ты же побѣждай еретикъ и бѣсовъ тристаты.

Крестъ бо похвала царемъ,
 бѣсомъ же незносный яремъ.

Примѣчаніе. Гербъ князей Острожскихъ, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа означенной Библии (см. рис. 1), представляетъ щитъ, раздѣленный на 4 части (part. et coupé): въ 1-й изображенъ обращенный влѣво всадникъ, пронзающій копьемъ дракона. Этотъ гербовой знакъ употреблялся князьями

¹) Прививается, распространяется.

²) Не напрасно.

Острожскими въ память ихъ происхожденія отъ князей Русскихъ (Niesiec. VII. 175). Во 2-й всадникъ, обращенный вправо, съ подъятымъ мечемъ. Это литовская погонь (гербъ Литовскаго княжества), принятая княземъ Константиномъ Острожскимъ *первымъ*, въ память родственнаго союза съ нѣкоторыми фамиліями изъ дома князей литовскихъ (—Ibid. стр. 176). Въ 3-й части—половина летящей въ верхъ стрѣлы (серебряной), воткнутой въ половину кольца въ видѣ радуги (золот. цвѣта); подъ кольцомъ находится шестиугольная (золотая) звѣзда, а подъ нею (золотой) полумѣсяцъ, обращенный рогами вверхъ. Этотъ гербовой знакъ составленъ изъ двухъ польскихъ клейнодовъ: огончика (ogonczyk) и положенной подъ нимъ леливы (leliwa). О внесеніи этой эмблеммы князьями Острожскими въ свой гербъ, Папроцкій говоритъ слѣдующее: когда Константинъ первый, князь Острожскій, воевода Троцкій и великій гетманъ Литовскій, воротился изъ семилѣтнаго московскаго плѣна, то, не желая ничего имѣть общаго съ Московскимъ княземъ, отмѣнилъ свой гербовой знакъ ѣздца, копьемъ пришибающаго дракона, такъ какъ этотъ знакъ вслѣдствіе одного происхожденія съ князьями Острожскими имѣли и князья Московскіе,—и замѣнилъ его вышеописаннымъ, т. е. огончикомъ—леливою (Herbu ruc. pols. Fol. 350). Причиною, побудившею Константина перваго избрать эмблеммами для своего клейнода означенны^е гербовые знаки, была, какъ думаетъ Нѣсецкій (Herb. VII. 176), память о двухъ своихъ сыновьяхъ—Иліашѣ, имѣвшемъ за собою въ супружествѣ Косцѣлецкую (Kościelecka), герба *огончикъ*, и Константинѣ второмъ, женатомъ на Тарновской, герба *лелива*. Въ 4-й части стрѣла съ полукруглымъ основаніемъ, повыше котораго перекладина въ родѣ ефеса отъ шпаги, такъ что вся фигура имѣетъ видъ креста подъ крышею, или якоря рукояткою внизъ. На шлемѣ страусовы перья. Гербъ князей Острожскихъ при нѣкоторыхъ другихъ книгахъ изображался нѣсколько иначе; тоже можно сказать о гербахъ и другихъ южно-русскихъ дворянъ

скихъ фамилій (см. рис. II, III и IV, VI и VII, VIII и IX). Это зависѣло, главнымъ образомъ отъ того, что Польша и Литва, проникшись любовію къ гербамъ, не усвоили тѣхъ строго-опредѣленныхъ герольдическихъ правилъ, какія выработаны были западно-европейцами.

б) Подъ гербовымъ клейнодомъ пановъ Стеткевичей, помѣщенномъ на оборотѣ заглавнаго листа тѣхъ экземпляровъ *Евангелія Учительнаго*, которыя были посвящены означеннымъ панамъ, находится слѣдующая эпиграмма:

Видитъ въ томъ клейнодѣ, свой клейнодъ церковь наша,
же и отчизна видитъ то оздоба ¹⁾ ваша

Стеткевичове: а тожъ теперъ южъ всѣмъ явно,
гды церковь, отчизна, васъ хвалить, не даремно.

Бо стрѣла и котвица ²⁾ съ крестомъся скупили ³⁾,
мечъ, острый мѣсяци, и Гроты ⁴⁾ ся з'явили ⁵⁾.

Съ которыхъ стрѣла котвица, ку церкви жарливость ⁶⁾,
мечъ, гроты ку отчизнѣ вашу кажутъ милость.

Примѣчаніе. Гербъ пановъ Стеткевичей, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа означенной книги, представляетъ щитъ раздѣленный на 4 части (*parti et coupé*): въ 1-й части—стрѣла съ угловатымъ основаніемъ, по выше котораго перекладина, такъ что вся фигура имѣетъ видъ креста подъ крышею или якоря рукояткою внизъ; во 2-й—престолъ, на которомъ бодруженъ крестъ, переходящій къ вершинѣ въ якорь; въ 3-й—четыре полумѣсяца, расположенные по парно такъ, что одинъ изъ нихъ въ каждой парѣ имѣетъ рога обращенные вверхъ, а другой внизъ, между ними мечъ рукояткою вверхъ; въ 4-й—два, вертикально расположенные якоря—одинъ рукояткою вверхъ, другой внизъ. На шлемѣ три страусовыхъ пера. (См. рис. VI).

¹⁾ Украшеніе. ²⁾ Якорь. ³⁾ Соединились. ⁴⁾ Не большія копыя. ⁵⁾ Показались. ⁶⁾ Ревность, усердіе.

в) На оборотѣ заглавнаго листа *Евхологія albo Молитво-слова или Требника*, изд. въ Кіевѣ 1646 г., находится гербъ Петра Могилы, и подъ нимъ слѣдующая эпиграмма:

Домъ преславный Могилы въ клейноты обфитый ¹⁾,
 Прежъ ²⁾ отважныя дѣла стался знаменитый.
 Въ томъ Марсъ збройно ³⁾ ставаетъ, трудно приступити
 Врагомъ, тутъ урадила ⁴⁾ слава гнѣзно мѣти.
 Славныи, гдѣ тежъ цноты ⁵⁾ открыто прибили,
 Въ Петрѣ Митрополиту, яснѣ ся зъявили.
 Солнце, мѣсяцъ зъ звѣздами небо обѣцуютъ ⁶⁾,
 Славнымъ Могиломъ, землю снать ⁷⁾ тане ⁸⁾ ша-
 цуютъ ⁹⁾.

Примѣчаніе. Семейный гербъ Петра Могилы состоялъ изъ двухъ обнаженныхъ сабель, положенныхъ на крестъ, съ опущенными внизъ лезвіями и крестами на концахъ. Но въ такомъ видѣ гербъ никогда не изображался въ книгахъ, но соединялся еще съ другими 5-ю гербами и такимъ образомъ образовалъ 6-ть частей, изъ коихъ три находились вверху и три внизу. Въ первой (верхней) части помѣщался гербъ Молдавіи — черная голова буйвола, между рогами которой находилась звѣзда, а по бокамъ — направо солнце, на лѣво луна (солнце и луна, впрочемъ, не всегда изображались); въ ноздряхъ головы перстень, въ срединѣ котораго двѣ сабли, изображенные также, какъ и въ семейномъ гербѣ. Во 2-й части помѣщался уже описанный нами родовой клейнодъ. Въ 3-й — гербъ, называемый *Елитой*: три золотыя копья сложенные въ видѣ звѣзды, при чемъ боковыя остріемъ вверхъ, а средніе — внизъ. Въ 4-й части (1-я внизу) — воронъ ¹⁰⁾, обращен-

¹⁾ Обильный клейнодами. ²⁾ Презъ. ³⁾ Вооруженно. ⁴⁾ Опредѣлила. ⁵⁾ Добродѣтели. ⁶⁾ Обѣщаютъ. ⁷⁾ Вѣроятно. ⁸⁾ Дешево. ⁹⁾ Цѣнять.

¹⁰⁾ Въ гербовникѣ Нѣсецкаго (Нѣгб. VI, 288 *орелъ*; но это не ошибка, какъ думаетъ г. Пекарскій (Отч. Зап. 1862 г., № 2, ст. 577).

ный корпусомъ вѣѡво, а головою вправо; въ клювъ у него крестъ, надъ которымъ находится открытая корона; стоитъ онъ на отсѣченной и лежащей на землѣ вѣткѣ. Это гербъ Валахіи. Рядомъ съ нимъ гербъ *Остоя*: двѣ неполныхъ, обращенныхъ рогами къ краямъ щита, луны, между которыми мечъ, рукояткою вверхъ. Последняя часть—гербъ *Новина*: ручка бѣлаго котла, посредникъ котораго мечъ, рукояткою вверхъ. Гербы Молдавіи и Валахіи приняты были Могилами въ ихъ родовой клейнодъ на томъ основаніи, что они (Могила) были нѣкогда господами этихъ странъ ¹⁾ (Niesiec. VI, 288). Гербъ *Елита* былъ семейнымъ гербомъ короннаго гетмана и канцлера Замойскаго; онъ принятъ Могилами въ свой клейнодъ въ знакъ особенныхъ, дружескихъ отношеній къ гетману, успѣвшему, при помощи войска во время смутъ, бывшихъ въ Валахіи, возвести Іеремію Могила на господарство (Okols II. Fol. 229. Niesiec. т. VI, стр. 448). Остальные гербы приняты Могилами, по случаю вступленія ихъ въ родственныя связи съ разными домами, имѣвшими тѣ гербы (Niesiec. VI, 449, т. VII, 171). Гербовые щиты Петра Могила большею частию увѣнчивались архіепископскою митрою, но иногда и католическимъ канелюшемъ, какъ напр., это можно видѣть на отравированныхъ

Гербомъ Валахіи дѣйствительно былъ *орелъ*, держащій въ клювъ крестъ (Польское безкоролье А. Трачевскаго, стр. 27). На нѣкоторыхъ портретахъ Петра Могила, сохранившихся до нашего времени, онъ такъ и изображался (напр. на портретѣ, находящемся въ конгрегационной залѣ Киев. дух. Академіи). Но почему въ книгахъ XVII в. гербъ Валахіи нѣсколько видоизмѣнился—не знаю. Не потому ли, что по тогдашнему бѣдственному положенію означенной страны ей приличнѣе было имѣть гербовую эмблему не орла—символъ власти, но ворона—символъ долготѣія?...

¹⁾ Да, кажется, не переставали и претендовать на означенное господарство. Извѣстно, что П. Могила, будучи уже лицомъ духовнымъ, носилъ, между прочимъ, титулъ воеводича земель молдавскихъ.

гербовыхъ клейнодахъ означеннаго митрополита, помѣщенныхъ на оборотѣ заглавнаго листа Апостола, изд. 1639 г., во Львовѣ, *Поученій Аввы Дородея*, изд. въ Кіевѣ 1628 г. и на 168 стр. Paterikon'a С. Коссова. Что въ указанныхъ нами книгахъ надъ гербовымъ щитомъ Могилы находится *католическій капелюшъ*, а не *молдавская шапочка*, какъ думаетъ Лакіеръ (Рус. Геральдика I, 169), это доказываетъ во 1-хъ то, что гербовые щиты высшаго западно-европейскаго (Menestrier. La methode. du blason — рисунокъ къ стр. 319—) и польскаго духовенства (см. напр. гербы на оборотѣ загл. листа книгъ: Chwała świętych bożych—*Krosnowskiego*—Pozn. 1691, Pochodnia słowa Rożego, *того же*—1689) увѣнчивались *точно такими шапочками*, а во 2-хъ—доказательство еще болѣе убѣдительное—то, что въ одной изъ эпитаграммъ на клейнодъ Петра Могилы, именно помѣщенной въ Paterikon'ѣ Коссова (стр. 168), означенная шапочка прямо называется *капелюшемъ*. Кромѣ митры и капелюша на шлемѣ герба Петра Могилы иногда встрѣчаются атрибуты и свѣтской власти—мечь, булава и корона; здѣсь же не рѣдко изображался и гербъ Польши — бѣлый орелъ (см. рис. II, III и IV).

г) Подъ клейнодомъ яснѣ освѣцѣнныхъ князей Четвертинскихъ, помѣщенномъ на оборотѣ заглавнаго листа *Казанья поребованаго* Оксеновича-Сгарушича, находится слѣдующее четверостишіе:

Не тайна Четвертинскихъ княжатъ въ полю слава.
Не тайна въ церкви восточней ¹⁾ и въ отчизнѣ справа ²⁾
Свѣдчить ³⁾ сабля рыцеру и бокъ твой открытый,
Же всюды Четвертинскихъ домъ есть знаменитый.

Примѣч. Гербъ князей Четвертинскихъ, какъ онъ изображенъ въ означенномъ казаніи, представляетъ круглый, нѣсколько продолговатый (овальный) щитъ, горизонтально раздѣленный на

¹⁾ Восточной. ²⁾ Дѣяніе, подвиги. ³⁾ Свидѣтельствуютъ.

двѣ не много не равныя половины (part): въ верхней, большей, изображенъ богато-убранный, коронованный всадникъ, поражающій копьемъ дракона; въ нижней части—тоже всадникъ, но полубогаженный, съ поднятымъ къ верху мечемъ, *два всадника обращены влѣво*.

Нѣсецкій въ своемъ сочиненіи *Herbarz Polski* (t. III, st. 225) о гербовомъ клейнодѣ князей Четвертинскихъ говоритъ слѣдующее: князья Четвертинскіе имѣютъ два герба. Первый, болѣе употребительный, имѣетъ слѣдующую эмблему: совершенно не одѣтый юноша (mlodzian), сидя на бѣломъ не осѣдланномъ конѣ, скачущемъ въ правую сторону, поражаетъ копьемъ (центръ котораго держитъ правою, а вершину лѣвою рукою) червато, крылатога дракона. Второй гербъ: въ серебрянномъ полѣ, не полный, рогами обращенный внизъ, полумѣсяцъ; подъ нимъ золотая шестиугольная звѣзда. Бѣдца, копьемъ прошибающаго смока (дракона), князья Четвертинскіе, по свидѣтельству Нѣсецкаго, внесли въ свой гербовой клейнодъ въ память своего происхожденія отъ крови русскихъ самодержцевъ, имѣвшихъ означенный символъ въ своемъ гербѣ, а вторую эмблему—мѣсяцъ съ шести-угольною подъ нимъ звѣздою—въ воспоминаніе о геройскихъ подвигахъ своихъ предковъ. На рис. VIII представленъ гербъ князей Четвертинскихъ, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа *Казанья погребоваго* Оксеновича-Старушича, и на рис. IX,—какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа *Тератозурч'и*—Кальнофойскаго. Последній гербъ, кромѣ особенности символа, замѣчательенъ еще тѣмъ, что окруженъ родословнымъ деревомъ князей Четвертинскихъ.

д) Эпиграмма на старожитный клейнодъ ихъ милостей пановъ Желиборскихъ, помѣщенная надъ гербомъ означенной фамиліи, въ *Ключъ разумній* І. Готиятовскаго (изд. 1665 г., во Львовѣ), читается такъ:

Враговъ церкви отчизны, косы подгыкають ¹⁾
 вовчыи ²⁾, волками ся враги называютъ.
 Для того косы тыи суть въ червономъ полю
 обляно кровю, враговъ громажи сваволю ³⁾.
 За крестъ воюють; креста святаго съ врагами,
 Желиборскіи, прето ⁴⁾ крестъ есть съ ихъ косами.
 Митру святительскую на челмѣ високомъ,
 и Пасторамъ уйзримо, гды кинемо окомъ.
 Не тылко валечная ⁵⁾ Желиборскихъ битва,
 помощь отчизнѣ чинить, але ⁶⁾ и молива.

Примѣчаніе. Желиборскіе имѣли гербъ Prus. Secundo, Wilczekosu; онъ состоитъ изъ двухъ серебряныхъ косъ (въ красномъ полѣ), обращенныхъ къ верху острыми концами и образующихъ ими Андреевскій крестъ; нижніе же концы косъ связаны золотою ниткою, отъ которой видѣнъ только одинъ конецъ; на точкѣ соединенія ихъ (косъ) поставленъ шестиконечный крестъ, у котораго одного кончика не достасть. На шлемѣ вооруженная рука держитъ обнаженный мечъ (см. рим. V). Точно въ такомъ же духѣ, съ явнымъ стремленіемъ придавать полкуемымъ клейнодамъ религіозно-воинственное значеніе, и вслѣдствіе этого прославлять лицъ, имѣвшихъ оныя, со стороны ихъ заслугъ на пользу вѣры и отечества—писались духовными панегиристами XVII в. и прочія герботолкованія.

Чѣмъ объяснить такое преобладающее направленіе въ южно-русской панегирической литературѣ XVIII в.? Само собою разумѣется, можно объяснить его тѣмъ, что герботолкователямъ, какъ лицамъ духовнымъ, всего естественнѣе было вносить въ свои произведенія элементъ религіозный, прославлять магнатовъ, преимущественно за ихъ набожность и дѣла на пользу церкви; можно

¹⁾ Поражаютъ. ²⁾ Волчіи. ³⁾ Своевольство. ⁴⁾ Потому. ⁵⁾ Храбрая, мужественная. ⁶⁾ Но.

объяснять и тѣмъ, что гербы южно русскаго духовенства, имѣя эмблеммами, большею частію, *кресты, мечи, стрѣлы и вообще разнаго рода оружіе*, уже не посредственнымъ своимъ геральдическимъ значеніемъ могли вызывать писателей—панегиристовъ на герботолкованія съ характеромъ религіозно-воинственнымъ. Но всѣ эти объясненія, имѣя свою долю справедливости, не могутъ однако дать полнаго и удовлетворительнаго отвѣта на вышепоставленный вопросъ, такъ какъ на основаніи ихъ нельзя составить общаго правила, подъ которое можно было бы подвести весь разсматриваемый нами отдѣлъ южно-русской панегирической литературы XVII вѣка. Именно, во первыхъ не всѣ герботолкованія сочинялись духовными писателями,—нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать перу и свѣтскихъ лицъ; между тѣмъ всѣ онѣ, по внутреннему своему характеру, совершенно сходны между собою. Такъ напр., точно такой же религіозно-воинственный характеръ, какимъ проникнуты гербоизъясненія духовныхъ писателей, носитъ на себѣ и слѣдующая эниграмма на клейнодъ пановъ Стеткевичей, сочиненная свѣтскимъ лицомъ—типографщикомъ Спиридономъ Соболемъ, и помѣщенная на оборотѣ заглавнаго листа *Апостола*, изд. въ Кіевѣ, 1630 года:

Двѣ сердца ся сполли, мечъ ихъ розрываетъ,
 моць ¹⁾ старожитныхъ домовъ прежто ²⁾ освѣдчаетъ ³⁾.
 Которымъ варварскіи гуфы ⁴⁾ незровнали ⁵⁾,
 пойзри на гедмъ, обачимъ ⁶⁾ ягься потыкали.
 Котвицы тежъ вѣры статечной ⁷⁾ знакомъ,
 якъ гды окрутъ на вѣтры умоцненъ тронгакомъ ⁸⁾.

¹⁾ Силу. ²⁾ Черезъ это. ³⁾ .Объявляетъ. ⁴⁾ Громады войскъ.
⁵⁾ Не повредили, ⁶⁾ Увидишь. ⁷⁾ Постоянной. ⁸⁾ Этотъ стихъ, кажется, имѣетъ такой смыслъ: такъ какъ они (котвицы, якорі) свои тройственными развѣтленіями (троигоколи) представляютъ твердый оплотъ (окрутъ умоцненъ) противъ вѣтровъ.

А крестъ церкви похваля, крестъ вѣрнымъ оборона,
и то есть *Стеткевичевъ* клейнотъ и корона.

Претождъ ихъ слава въ небѣ якъ сѣрѣла возносити
и на вѣки, будетъ, въ людяхъ голосити.

Примѣчаніе. Гербъ пановъ Стеткевичей, помѣщенный на оборотѣ заглавнаго листа означенной книги, имѣетъ нѣкоторыя отличія сравнительно съ гербовымъ клейнодомъ той же фамиліи, изображеннымъ въ начальныхъ листахъ *Евангелія Учит.*, изд. 1637 г., въ Кіевѣ; именно, въ 3-й части (1-й книги) вмѣсто четырехъ полумѣсяцевъ находятся два, горизонтально расположенныя, сердца, пронзаемыя въ центрѣ имъ соединенія мечемъ. На шлемѣ вмѣсто страусовыхъ перьевъ—вооруженная рука съ обнаженнымъ мечемъ (см. рис. VII).

Во вторыхъ, не всѣмъ гербовымъ эмблемамъ, съ которыми южно-русскіе духовные писатели XVII в. имѣли дѣло, можно было придавать религіозное или воинственное значеніе, между тѣмъ они всѣмъ имъ старались усвоить такое. Гербъ пановъ Желиборскихъ имѣлъ символами, какъ мы видѣли, крестъ и вѣвчьи косы, перевязанныя шнуромъ (золотымъ). Какъ кресту значеніе религіозное, такъ, пожалуй, и косамъ воинственное придать было можно и естественно; но герботолкователь (Іоанникій Галатовскій) этимъ не ограничивается: онъ религіозно-правственное значеніе усваиваетъ и золотому шнуру, связывающему косы. «Шнуръ золотой, говоритъ онъ, которымъ въ гербѣ вашемъ (фамиліи Желиборскихъ) косы связаны суть, значитъ *любовь*, согласно съ словами апостола Павла, говорящаго: *стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства* (Кол. гл. 3); и злато также любовь значитъ, потому что Іисусъ Христосъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: *свѣщаю тебѣ купити отъ него злато рожденно огнемъ* (т. е. любовь), да обогатишия (гл. 3). Посему-то шнуръ вашъ золотой двоякую любовь симво-

лизуетъ: одну до Бога, а другую до ближняго» ¹⁾. Гербъ пановъ Балабановъ имѣлъ символами *три насѣчки* (см. рис. XIV), расположенныя поперегъ—одна другой короче. По видимому, какое религіозное значеніе можно видѣть въ этой эмблемѣ? Между тѣмъ Тарасій Земка толкуетъ, что три врубы (насѣчки) означаютъ совершенство (доскональность) во всѣхъ добродѣтеляхъ, вѣру, надежду и любовь и наконецъ единство Троицы (въ Троицѣ цѣлость) ²⁾. *Шатру* усвоилось значеніе иногда религіозное ³⁾, а иногда воинственное ⁴⁾.

Такимъ образомъ религіозно-воинственный характеръ южно-русскихъ герботолкованій не можетъ быть вполне объясненъ ни сосредоточеніемъ въ то время южно-русской литературы въ рукахъ духовенства, ни тѣмъ обстоятельствомъ, что истолковываемые гербы имѣли эмблеммами, большею частію, кресты, сабли и вообще разнаго рода оружіе. Болѣе основательное объясненіе означеннаго направленія въ разсматриваемой нами отрасли южно-русской литературы, по нашему мнѣнію, должно основываться на томъ высказанномъ выше предположеніи, что панегиристамъ въ своихъ произведеніяхъ всего естественнѣе было выставять на видъ такія достоинства прославляемыхъ лицъ, какія почитались въ то время за особенно цѣнныя. Именно мы думаемъ, что если духовные писатели XVII в., смотря на герботолкованія съ утилитарной точки зрѣнія, не болѣе какъ только на ступени къ

¹⁾ См. посвяг. предм. въ *Ключъ разумный*, изд. 1665 г., во Львовѣ.

²⁾ См. эпигр. на клейнодъ пановъ Балабановъ въ *Лексиконъ Словенороскомъ* Памвы Беринды, изд. 1627 г.

³⁾ См. эпиграмму на клейнодъ на оборотѣ заглавнаго листа *Алфавита духовнаго*, изд. 1710 г., въ Кіевѣ.

⁴⁾ См. эпиграммы на клейнодъ въ начальныхъ листахъ *Patriken'a* Коессова.

прославленію своихъ патроновъ, придавали эмблемамъ изъясняемыхъ ими клейнодовъ религіозное или воинственное значеніе и на основаніи этого старались воспѣвать тѣ подвиги прославляемыхъ лицъ, которые касались вѣры или воинскихъ заслугъ; то основною причиною, давшею такое направленіе означеннымъ произведеніямъ, можно считать не иное что, какъ религіозно-воинственные идеалы, господствовавшіе въ то время въ южной Россіи.

Но извѣстно, что религіозно-воинственные идеалы господствовали въ XVII в. не въ одной только южной Россіи. Такъ напр., набожность и храбрость, вѣрность православію и воинскія заслуги занимали первостепенное мѣсто между достоинствами въ понятіяхъ и московскаго люда; и польскіе панегиристы, подобно южно-русскимъ, касаясь дѣяній восхваляемаго лица, старались преимущественно обращать вниманіе на религіозно-воинственныя добродѣтели его; подобное же уваженіе къ означеннымъ достоинствамъ замѣчается почти и во всей Европѣ... Общеизвѣстно также и то, что одни и тѣже идеалы, будучи общими у многихъ народовъ, не могутъ быть вездѣ совершенно одинаковыми: мѣстныя условія—то или другое вѣроисповѣданіе, та или другая форма общественной жизни, тѣ или другія историческія обстоятельства, налагають на нихъ нѣкоторыя особенности, придають имъ разнообразныя колориты. Естественно поэтому, что въ южной Россіи, подъ вліяніемъ особенностей въ историческомъ развитіи этой страны, понятіе о религіозности и воинственности должно было принять особенный, индивидуальный оттѣнокъ.

Является вопросъ: отразилась ли эта индивидуальность религіозно-воинственныхъ идеаловъ, господствовавшихъ въ южной Руси, въ разсматриваемой нами отрасли южно-русской панегирической литературы?

Внимательный пересмотръ южно-русскихъ герботолкованій даетъ отвѣтъ утвердительный.

а) Христіанская религія проникла въ Россію чрезъ Грецію.

Вслѣдствіе этого русскіе іерархи, распространяя и охраняя оную, должны были стать въ оборонительное положеніе не только противъ язычниковъ, іудеевъ и другихъ враговъ христіанства, но и противъ римско-католической церкви, не упускавшей случая подчинить своей власти обширныя области нашего отечества. Такое положеніе дѣла было причиною того, что православная русская церковь на первыхъ же порахъ своего существованія должна была полемизировать противъ враждебно относящихся къ ней вѣроисповѣданій. Такъ уже Левъ, митрополитъ Кіевской († 1007), писалъ (на греческомъ языкѣ) посланіе противъ латинянъ, доказывая въ немъ несправедливость субботняго поста, безбрачія священниковъ, ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына и другихъ уклоненій римско-католической церкви ¹⁾. Св. Пларіонъ (съ 1050 г. митрополитъ Кіевскій) разсуждалъ о превосходствѣ христіанства предъ іудействомъ ²⁾. Точно въ такомъ же духѣ, если не письменно, то словесно, дѣйствовали противъ иновѣрія и прочіе русскіе іерархи... Съ теченіемъ времени, когда юго-западныя области Руси пришли въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ католическою Польшею, когда Византія изъ столицы православныхъ грековъ обратилась въ столицу исламистовъ, опасность со стороны иновѣрія для юго-западной російской церкви еще болѣе увеличилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и ревность сыновъ православія къ защищенію и охраненію своей религіи. Въ концѣ XVI и XVII в. въ южной Руси, вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, появилась обширная богословско-полемическая литература, направленная противъ католицизма (*книга*, изд. въ Острогѣ 1588 г. священникомъ Василиемъ, *Книжица на римскій костелъ*, С. Зизанія; *О вѣрѣ единой св. церкви* и друг.) и иныхъ враждебныхъ православію вѣроисповѣданій (*Мессія*

¹⁾ Обзоръ дух. литер. Филарета, стр. 12.

²⁾ Idem. стр. 13—14.

правдивый I. Голятовскаго; *Алкоранъ магометовъ отъ колетета Христова разрушенный*, его же; *Богъ поганскіе*, его же и друг.). Такимъ образомъ ходъ исторической жизни южно-русскаго народа вырабатывалъ въ средѣ его идеаль религіозности, въ смыслѣ твердой устойчивости въ нѣдрахъ православной церкви и мужественной обороны противъ враждебныхъ стремленій иновѣрія. Этотъ идеаль набожнаго человѣка, какъ *ревнителя православія и борца противъ непріязненныхъ ему вѣроисповѣданій*, отразился и въ разсматриваемой нами отрасли южно-русской панегирической литературы. Панегиристы-герботолкователи, прославляя дѣятельность своихъ патроновъ по отношенію къ церкви, преимущественно выставляли на видъ ихъ вѣрность православію и оборонительныя мѣры противъ враждебныхъ ему вѣроисповѣданій (или убѣждали къ тому). Такъ, напримѣръ, Петръ Могила въ предмовѣ своей до князя Іереміи Вишневецкаго, помѣщенной въ началѣ проповѣди—*Крестъ Христа Спасителя и каждого человека*, между прочимъ, говоритъ: «когда посмотрю на клейнотъ пресвѣтлаго дома вашей княжеской милости, вижу тамъ крестъ Христовъ ¹⁾, чрезъ вѣру православную церкви апостольской каюо-

¹⁾ Гербъ князей Вишневецкихъ, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа означенной книги, представляетъ сердцеобразный (съ небольшими выемками по бокамъ) щитъ, раздѣленный на 4 части (*partí et cougé*): въ 1-й находится не полный мѣсяцъ, обращенный рогами книзу; подъ нимъ *осьмиугольная* звѣзда (у Нѣсецк.—т. IX. с. 345—*gwiazda o szesciu promieniach*), а наверху его *тройственный* крестъ (перекрещенный въ оконечностяхъ, или, какъ поясняетъ Нѣсецкій *ieden krzyz na prostes linji i dwa poprzek*,—*ieden z iednego boku, drugi z drugiego*) Во 2-й тоже неполный мѣсяцъ, обращенный рогами внизъ, но подъ нимъ нѣтъ звѣзды; крестъ на немъ стоитъ обыкновенный. Въ 3-й описанный нами при разсмотрѣніи клейнода П. Могила гербъ Молдавіи. Въ 4-й фамильный гербъ Петра Могила. Кромѣ того въ срединѣ щита находится щитокъ (*escu son en coeur*), гдѣ изображена литовская погонь. (См. рис. XIII).

лической на востокъ *уфундованный* (утвержденный), въ которой (вѣрѣ), почавши отъ Димитрія Корибута, и сына его Корибута Дмитріевича, короля чешскаго, брата Ягелла короля польскаго и Витовта князя литовскаго, всѣ предки вашего дома пребывали и составляли ея опору. Надѣюсь, что православная церковь найдетъ опору и въ особѣ вашей милости». И далѣе: «прошу и молю, чтобы ваша княжеская милость и сами пребывали въ отеческой вѣрѣ и подданныхъ своихъ старалась удерживать въ ней, помня науку того знаменитаго мужа ¹⁾, который говоритъ, что пусть ни одинъ князь не допускаетъ перемѣнить отцовскаго вѣроисповѣданія на какое либо другое, такъ какъ въ дѣлахъ (рѣчахъ) людскихъ ничего нѣтъ болѣе драгоцѣннаго религіи, т. е. православной вѣры, и *боронить ее необходимо со всевозможнымъ стараніемъ*» ²⁾. Въ герботолковательныхъ виршахъ, помѣщенныхъ на оборотѣ заглавнаго листа Острожской бібліи, къ князю Константину, какъ мы видѣли, обращены слѣдующія слова:

Отсѣкай, Константине, мракъ идоискія лести
хочетъ бо Богъ всѣмъ челоуѣкомъ ся спасти.

И отгоняй еретиковъ полки умовредныя,
пріидоша бо въ міръ волки нещадные.

.

¹⁾ Цитруется Лаптантъ (1. Наука, 3 гл. 2).

²⁾ Замѣчательно, что означенное посвященіе до князя Іереміи Вишневецкаго написано 4-го іюня 1652 г. (Самая проповѣдь напечатана 4 марта того года, слѣд. посвятителъные листы вложены были въ нее послѣ) и въ немъ князь хотя прямо и не восхваляется за вѣрность православію, но только убѣждается къ сохраненію его, однако это дѣлается въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ можно заключать, что онъ *былъ еще православнымъ*. Между тѣмъ въ 1631 г. митрополитъ Ісаія Копинскій писалъ къ этому князю посланіе, гдѣ *рѣзко укорялъ его за отступленіе отъ православія и просилъ возвратиться къ вѣрѣ отцовъ*. (Акты запад. Россіи IV. 524. 525).

И ты крестное знаменіе не туне носиши,
великому Константину имя подобииши.

Онъ бо на небеса сіе видѣвъ побѣдилъ съпостаты
ты же побѣждай еретиковъ и блсовъ тристаты.

Въ эпиграммѣ, помѣщенной подъ гербомъ П. Могилы въ *Мнемозинѣ* (изд. 1633 г. въ Кіевѣ), между прочимъ говорится: «По мечу, саблямъ и копьямъ разгадаешь тотъ, кто скажетъ, что у Петра Петрово оружіе; а если удивляешься, что воронъ тутъ съ крестомъ и въ коронѣ, то знай, что Петръ *есть пастырь для защиты церкви....* Тамъ же (т. е. въ гербѣ Могилы) и голова буйвола и золотыя очи зодіака—по нему каждый годъ шествуетъ Флегонъ, то не даромъ: *Петръ сильно поражаетъ рогами правды, если бы кто члмъ смутилъ его овецъ*»... Изъясняя гербъ Желиборскихъ, Іоанникій Голятовскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Имѣте въ гербѣ своемъ двѣ косы вовчьи; одна кога разить хищныхъ волковъ отчизны нашей (Рѣчи Посполитой); другая кога косить волковъ драпѣжныхъ—*погановъ и еретиковъ нечистыхъ, которые на церковь православную, католическую наступаютъ и оную преслѣдуютъ*» ¹⁾. Подобное же стремленіе духовныхъ писателей XVII в. при прославленіи религіозныхъ добродѣтелей своихъ патроновъ выставлять на видъ *охраненіе и оборону* ими православной вѣры, можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ другихъ южно-русскихъ герботолкованіяхъ, а равно и прочихъ панегирическихъ (того времени) произведеніяхъ ²⁾.

б) Обращая вниманіе на восхваленіе воинскихъ доблестей вельможныхъ пановъ въ рассматриваемой нами отрасли южно-русской литературы, мы замѣчаемъ въ немъ слѣдующія черты:

¹⁾ См. *Ключъ разумный*, изд. 1665 г. во Львовѣ.

²⁾ См. эпиграмму и посвященіе въ начальныхъ листахъ Номоканона, изд. 1646 г. во Львовѣ; Казане погребовое Оксеновича-Старушича; панегирикъ А. Киселю (Tentoria) и друг.

Во первыхъ, духовные писатели XVII в. старались выстав-
лять на видъ (восхвалять) тѣ бранные подвиги своихъ патроновъ,
которые были совершаемы ими въ борьбѣ съ *поганами, бусур-*
манами, врагами креста святаго. І. Голятовскій, какъ мы
видѣли, въ эниграммѣ на старожитный клейнодъ пановъ Жели-
борскихъ, между прочимъ говорить;

Враговъ церкви, отчизны, косы подтыкають
вовчыи, болкамыя враги пазывають.

Для того косы тыи суть въ червонномъ полю
обляно кровю, враговъ громачи своволю—

За крестъ воюють, креста святаго съ врагами
Желиборскіе, прето крестъ есть съ ихъ косами.

Тоже самое, только нѣсколько въ другихъ выраженіяхъ,
говорится и въ посвятительной предмовѣ до означенныхъ пановъ.
«Для того, читаемъ тамъ, при косахъ вашихъ находится полтора
креста, что вы за крестъ святой *воюете съ могометанами и*
другими непріятелями креста святаго, о каковыхъ непріате-
ляхъ упоминаеть и св. апостолъ Павелъ, пиша къ Филиппій-
цамъ: враги креста святаго, имъ же кончина погибсль. Другой
крестъ вамъ не цѣлый, но только половиный потому, что его
сломили бусурмане и другіе креста святаго непріатели, съ кото-
рыми вы вели войны. За то за переломленный крестъ не одну
сломили и вы непріательскую шею» ¹⁾. Подобное стремленіе къ
прославленію воинскихъ подвиговъ вельможества, совершенныхъ
въ борьбѣ съ врагами христіанства, можно встрѣтить и въ дру-
гихъ панегирическихъ произведеніяхъ того времени. Такъ, напри-
мѣръ, Оксеновичъ-Старушичъ посвящаетъ цѣлую треть своей
довольно обширной надгробной проповѣди прославленію *отваж-*
ныхъ и кровавыхъ услугъ благочестивыхъ (прислугъ набожни-
ковскихъ) князя Пліи Святополка Четвертинскаго, гдѣ восхва-

¹⁾ См. Ключъ разумѣнія, изд. 1665 г. во Львовѣ.

ляетъ усопшаго въ особенности за то, что онъ не щадилъ своей крови и живота въ борьбѣ съ врагами христіанства *бусурманами*... Очевидно, что эта, сейчасъ указанная нами, черта въ южно-русской панегирической литературѣ обуславливалась тѣмъ религіознымъ идеаломъ, который царилъ въ то время въ южной Руси; воинственность, какъ видно, здѣсь находилась въ тѣсной связи съ религіозностію, въ извѣстныхъ случаяхъ какъ бы сливалась съ нею, помогала ей.

Во вторыхъ, южно-русскіе духовные писатели XVII вѣка восхваляли тѣ воинскіе подвиги своихъ добродѣевъ, которые совершаемы были въ интересахъ Польши, Рѣчи Посполитой; объ Украинѣ же, южной Руси, при этомъ не было и рѣчи. «*Когда Польша имѣла Киселя въ мужественной Украинѣ, говорится въ одной изъ герботолковательныхъ эпиграммъ, помѣщенныхъ въ ратериконѣ Коссова подъ гербомъ означеннаго магната, она имѣла шатеръ и башни на встрѣчу татарской орды. По отношенію къ Польшѣ доблестные Кисели были кречетами, а по отношенію къ другимъ странамъ величавыми башнями*». Эпиграмма на старожитный клейнодъ зацной и шляхетной фамиліи Далматовъ, помѣщенная на оборотѣ заглавнаго листа *Бесѣда на Дьянія св. апостолъ* (изд. 1624 г. въ Кіевѣ) начинается такъ:

Зацный клейнотъ Далматовъ, и въ церкви презацныхъ
и въ Рѣчи Посполитою службою значныхъ
Христіанству што служить, все то въ собѣ маєтъ...

«Ваши косы, говоритъ Г. Голятовскій въ предмовѣ до пановъ Желиборскихъ, помѣщенной въ Ключѣ разумѣнія (изд. 1665 г. во Львовѣ), въ червонномъ полѣ находятся потому, что онѣ на марсовомъ полѣ кровь непріятельскую проливають, отъ каковой крови поле марсово почервонѣло. Что косы ваши чинятъ, тоже самое чинить и переломленный на концѣ ващъ мечъ, помѣщенный на шлемѣ, гдѣ держить его вооруженная рука. Подлинно не

въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ только на головахъ (корнахъ) непріятельскихъ мечъ тотъ переломился, и не одинъ разъ поле марсово почервонилъ». За тѣмъ идетъ перечень особенно замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ фамиліею Желиборскихъ для *Рѣчи Посполитой*. Мало того, въ панегирической южно—русской литературѣ можно иногда встрѣтить восхваленіе духовными писателями XVII в. даже такихъ воинскихъ подвиговъ вельможества, которые прямо шли въ разрѣзъ съ интересами ихъ родины. Такъ напримѣръ, въ посвятителной предмовѣ до князя Иліи Святополка Четвертинскаго, помѣщенной въ сочиненіи Аванасія Кальнофойскаго *Тераѳурума*, находится подъ 1637 годомъ описаніе и восхваленіе храбрости означеннаго князя противъ *rebellantow* (бунтовщиковъ) *zaporożskich* и козаковъ днѣпровскихъ; Кальнофойскій, — *зыбливый* (доброжелательный) слуга, какъ онъ самъ себя называетъ, по отношенію къ князю Четвертинскому, — считаетъ приличнымъ восхвалить своего патрона за то, что онъ трупами бунтовщиковъ, т. е. борцевъ за независимость Украины, «*na mile końskiemu kopytu gościniec burkue*»... Оксеновичъ-Старушичъ при описаніи воинскихъ подвиговъ почившаго князя, между прочимъ, восхваляетъ его за то, что онъ съ *сердечными кавалерами польскими, братією своею, на обширное пространство устилалъ поля бездушнымъ трупомъ козацкимъ* ¹⁾. Эта черта въ южно-русской панегирической литературѣ того времени весьма замѣчательна. Она, съ одной стороны, подтверждаетъ то мнѣніе, что южно-русское дворянство вполне сроднилось съ польскою жизнію, перемѣнило, какъ говоритъ Костомаровъ, тѣсное поприще на обширное и свыкло съ мыслию, что отечество его цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней южная Русь ²⁾, а съ другой — характеризуетъ Кіевскую ученость и отношеніе ея къ народу.

¹⁾ См. Казане погребовое.

²) Историч. моногр. и изслѣдованія, г. IX. стр. 37.

Третья особенность, замѣченная нами въ панегиризмѣ, рас-
точасемъ южно-русскими духовными писателями XVII в. воин-
скимъ доблестямъ вельможныхъ пановъ, состоитъ, такъ сказать,
въ *игнорированьи польскимъ королемъ*. Южно-руссіе духовные
писатели, восхваляя бранные подвиги своихъ патроновъ, *почти*
никогда не говорили, что они были совершаемы для короля, какъ
главы, представителя королевства; но на первомъ планѣ, въ
этомъ случаѣ, поставляли Рѣчь Посполитую, корошу, отчизну —
Польшу. Это не случайность; въ этомъ, по нашему мнѣнію, дол-
жно видѣть одну изъ особенностей шляхетско-польскаго міровоз-
зрѣнія, усвоеннаго южно-русскими высшими сословіями. Извѣстно,
что въ Польшѣ власть короля была почти что номинальна. Онъ
былъ пужень шляхетству какъ только представитель единства
шляхетской націи, какъ только стражъ его вольностей, или, вѣр-
нѣе, своеволія. Очевидно, поэтому, что и служба королю въ гла-
захъ польскихъ и южно-русскихъ магнатовъ не могла имѣть осо-
бенно большаго значенія, во всякомъ случаѣ, она почиталась
менѣе цѣнною, чѣмъ служеніе Рѣчи Посполитой. Другое положе-
ніе занимало дворянство въ сѣверной Руси. Здѣсь оно, какъ
справедливо говоритъ Романовичъ-Словатинскій, всегда было уста-
новленіемъ политическимъ, существовавшимъ и измѣнявшимся
сообразно цѣлямъ правительства ¹⁾; вся власть находилась здѣсь
въ рукахъ самодержавнаго государя. Другое направленіе замѣ-
чается и въ сѣверно-русской панегирической литературѣ того
времени, а равно и южно-русской конца XVII и начала XVIII в.
(т. е. въ то время, когда Малороссія была присоединена къ Мо-
сковіи), при прославленіи воинскихъ доблестей вельможества;
именно, при восхваленіи военныхъ подвиговъ, панегиристы всегда
выставляли на видъ, что эти подвиги были совершены въ инте-
ресахъ царя, какъ главы, представителя государства. Мы видѣли,

1) Дворянство въ Россіи стр. 1—2.

какъ восхвалялись въ эпиграммѣ на клейнодъ, помѣщенной въ начальныхъ листахъ *Paterikon'a*, изд. въ 1635 г., слѣдовательно до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству,—воинскіе подвиги Адама Киселя; посмотримъ теперь, какъ восхваляются военныя доблести другаго южно-русскаго магната, спустя полстолѣтіе послѣ означеннаго присоединенія. Эпиграмма на старожитный клейнодъ гербовный дому ихъ милостей сіятельствъ князей Голицыновъ, помѣщенная на оборотѣ заглавнаго листа книги—Алфавитъ духовный (изд. 1713 г. въ Кіевѣ), читается такъ:

Въ дѣлахъ государскихъ есть явна князей справа ¹⁾

Голицыновъ, и въ вѣрныхъ нуждахъ всякихъ слава.

Въ управѣ же царевой и въ трудахъ воинскихъ

имѣють ревность, пилность ²⁾ панствъ Всероссійскихъ.

Мечъ, конь, рыцерь въ погони, отвагу звѣствуютъ ³⁾,

предъ Государемъ, людьми, службу повѣствуютъ.

И такъ, восхваленіе природныхъ качествъ—*старожитности* и *благородства*, и личныхъ достоинствъ—*религіозности* (въ смыслѣ устойчивости въ нѣдрахъ православной церкви и обороны ея противъ непріязненныхъ вѣроисповѣданій) и *воинственности* (въ смыслѣ брачныхъ подвиговъ противъ враговъ христіанства и въ интересахъ Рѣчи Посполитой)—вотъ тѣ предметы, которые входятъ, какъ самые существенные элементы, въ разсматриваемую нами отрасль южно-русской панегирической литературы.

II.

Южно-русское духовенство конца XVI и первой половины XVII столѣтій, отправляясь для завершенія своего образованія въ

¹⁾ Дѣянія, подвиги.

²⁾ Рачительность.

³⁾ Даютъ знать.

Польшу, имѣло при этомъ въ виду, по его собственному заявленію, *усвоеніе формъ* тогдашней образованности. Цѣль эта достигалась вполне: то формальное построеніе литературныхъ произведеній, тѣ схоластическіе приемы, діалектическія тонкости и ухищренія, которыя господствовали въ польскихъ іезуитскихъ коллегіяхъ того времени, южно-русское, учащееся въ Польшѣ, духовенство усваивало вполне и, по возвращеніи на родину, давало имъ самое широкое практическое примѣненіе. Поэтому, если еще многіе держатся того мнѣнія, что произведенія южно-русскихъ духовныхъ писателей XVI вѣка, разсматриваемыя съ внутренней стороны,—со стороны содержанія, представляютъ только весьма слабые, такъ сказать, случайные слѣды польскаго вліянія: то всѣ согласны, что южно-русская духовная литература означеннаго времени, въ формальномъ отношеніи, есть ни что иное, какъ точная, почти фотографическая копія съ латино-польскихъ, господствовавшихъ въ Рѣчи Посполитой, образцовъ.

Сказанное о формальной сторонѣ южно-русской литературы XVII в. вообще, въ частности совершенно приложимо и къ отрасли ея—гербооткровеніямъ въ произведеніяхъ духовныхъ писателей. Правда, не вся означенная отрасль литературы носитъ на себѣ явные слѣды акробатической руки схоластики: можно указать на гербонзьясенія, отличающіяся простотою и естественностію (явленіе, встрѣчающееся изрѣдка и въ польской литературѣ). Такъ напримѣръ, Петръ Могила, обращая вниманіе на гербъ князей Вишневецкихъ, усваиваетъ ему такое весьма естественное и справедливое значеніе: «крестъ я считаю самымъ драгоценнымъ клейнотомъ; потому что чрезъ него, подаются вѣрнымъ всѣ дары ласкъ Духа Святаго, крестъ апостоловъ триумфаторами учинилъ, мучениковъ неустрашимыми на войнѣ сдѣлалъ, исповѣдниковъ приказаніямъ небеснымъ научилъ, паннамъ чистоту сохранилъ, для королей и князей былъ и теперь бываетъ прекраснѣйшимъ надъ непріателемъ триумфомъ. Кромѣ того,—что сравнится съ

этимъ?—крестъ есть школа всѣхъ христіанскихъ цнотъ (слѣдуетъ еречень добродѣтелей и затѣмъ восхваленіе за вѣрность православію предковъ князя Іереміи Вишневецкаго ¹⁾). Но гербовизъясненія въ подобной простой, пезатѣйливой формѣ встрѣчаются въ разсматриваемыхъ нами произведеніяхъ весьма рѣдко. Большею частію духовные писатели XVII в., задавались мыслию восхвалить какую либо знатную особу посредствомъ истолкованія ея гербовыхъ атрибутовъ и притомъ восхвалить примѣнительно къ тѣмъ идеаламъ, которые господствовали въ современномъ обществѣ, должны были для осуществленія своей цѣли прибѣгать ко всевозможнымъ схоластическимъ тонкостямъ, въ особенности если прямое герольдическое значеніе истолковываемой эмблеммы нисколько не соотвѣтствовало ихъ намѣренію. Самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ, уиотребляемыхъ при этомъ герботолкователями, было два:

а) Проведеніе параллели между эмблеммами герба и соотвѣствующими имъ предметами и событіями древности, пріемъ, обусловливаемый, какъ намъ кажется, съ одной стороны желаніемъ блеснуть ерудиціею, а съ другой найти болѣе твердую опору для предлагаемаго толкованія. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ гербовизъясненій:

Въ эпиграммѣ на клейнодъ князей Острожскихъ, помѣщенной на оборотѣ заглавнаго листа Вибліи (изд. 1581 г. въ Острогѣ) между прочимъ читаемъ:

Возсіяла звѣзда ясне отъ вѣстока,
 послѣдуя правой възвѣщенной отъ пророка.
 И приводитъ отъ Пръсиды трехъ царей съ дары
 поклонитися съ вѣрою цареви надъ цары.

¹⁾ Крестъ Христа Спасителя и каждого челоуѣка. См. предмову до князя Іереміи Вишневецкаго.

Твоя звѣзда тому жъ послѣдуетъ цареви
 хотя всѣхъ сѣтворити жителя раеви.
 Не убываетъ луна ветхаго завѣта,
 сіяетъ бо солнце неприступнаго свѣта
 Въ немъ же ходя не подкнется
 но паче спасется.

Въ эпиграммѣ на старожитный гербъ пана Григорія Долмата, помѣщенной въ начальныхъ листахъ книги—*Толкованіе на апокалипсисъ св. Андрея Критскаго* (изд. 1625 г. въ Кіевѣ), говорится:

Пять каменій мѣлъ ¹⁾ Давидъ въ пастушей тоболи ²⁾,
 гды чинячи Саула кроля до-сыть воли ³⁾
 Шолъ противко срогого, смѣле Голиада,
 ісраильскаго вѣрне боронячи стада.
 Пятерица правицы пять каменій мѣла,
 маючаго пять духовъ гордости забила;
 И ты, о цный Григорій, въ зацности Далмате,
 фамилією славный во всей савроммате,
 Въ своемъ гелмѣ шляхетства того пяторога
 за знакъ себѣ маючи; взывай енѣ Бога.
 Певна ⁴⁾ будетъ: же пять ранъ помнячи Христовыхъ
 мѣти будешь пять змысловъ ⁵⁾ кубитвѣ годовыхъ ⁶⁾...

¹⁾ Имѣлъ.

²⁾ Сумѣ.

³⁾ Смыслъ всего стиха—когда исполняя волю короля Саула.

⁴⁾ Хорошо, прекрасно.

⁵⁾ Чувствъ.

⁶⁾ Паны Далматы имѣли гербъ Rozmiar (Nies. III. 361), золотой крестъ утвержденный на грѣхъ греугольникахъ, изъ которыхъ два вершинами къ низу, третій—къ верху. (Okols. II. 648. Nies. VIII. 153), на шлемѣ по Нбсецкому, хвостъ (пять перьевъ) павлина, по Омальскому—корона. Въ начальныхъ листахъ *Толкованія на Апокалипсисъ св. Андрея Критскаго*

Въ предмовѣ до митрополита Петра Могилы, помѣщенной въ Триодіонѣ (изд. 1642 г. во Львовѣ), о гербѣ его говорится слѣдующее: «О Ноѣ Патріархѣ письмо святое свидѣтельствуєтъ, что ему голубица, чрезъ принесеніе въ своемъ клювѣ масляной вѣтки, возвѣстила выходъ изъ корабля на землю: то же можемъ мы сказать и о воронѣ, находящемся въ клейнодѣ Вашего Преосвященства: онъ также, подобно второй голубицѣ съ масляною вѣткою, носи въ своемъ клювѣ крестъ, означаетъ избавленіе отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

б) Другой, еще чаще встрѣчающійся пріемъ, употребляемый духовными писателями XVII вѣка при герботолкованіяхъ, состоялъ въ слѣдующемъ: за исходную точку изъясненія бралась какая либо случайная черта въ гербовомъ клейнодѣ и къ ней совершенно произвольно, путемъ болѣе или менѣе ловкаго схоластическаго скачка, прицѣплялось, сообразное съ цѣлями панегириста, содержаніе. Такъ напримѣръ: Тарасій Земка, желая придать клейноту пановъ Балабановъ, имѣвшему символами *три* пасѣчки, (См. рис. XIV), религіозное значеніе, беретъ для этого за исходную точку своего толкованія *число* эмблемъ и говоритъ, что

Три вруды (означають), мужество, любь, зпотъ, доско-
цалость (совершенство)

вѣры, надѣи, любве и въ Троицѣ цалость (единство) ¹⁾.

Захарія Копыстенскій, задавшись мыслию показать, что

Зацный клейнотъ Далматовъ...

гербъ Далматовъ изображенъ нѣсколько иначе: на треугольникахъ нѣтъ креста, а вмѣсто того находится въ правой сторонѣ звѣзда; на шлемѣ—*паторогъ*. (См. рис. XV). Впрочемъ паны Далматы, какъ это можно видѣть изъ ихъ клейнода, помѣщеннаго въ начальныхъ листахъ *Беспѣвъ Златоустаго на Дьяніа св. Апостола* (изд. 1624 г.) вмѣли въ гербѣ, кромѣ описаннаго символа и другія эмблемы (См. рис. XVI)..

¹⁾ См. эпиграмму на оборотѣ заглавія. листа *лексикона Словенорусскаго* Памвы Беринды, изд. 1627 г.

Христіанству што служитъ все то въ собѣ маеть,
гды своими гранями въ гербѣ означаетъ,
въ трехъ скрещенныхъ сабляхъ, находящихся въ клейнотѣ означенныхъ пановъ, видитъ *вѣры знакъ въ Іисуса* ¹⁾, очевидно основывая свое толкованіе на герольдическомъ положеніи (въ формѣ креста) изъясняемой эмблеммы. Небу, лунѣ, солнцу и звѣздамъ духовные писатели XVII в. почти всегда придавали религіозный смыслъ, говоря, что онѣ означаютъ *набоженство* (благочестіе ²⁾, *объщаніе небесныхъ наградъ* ³⁾, *вѣру и добродѣтель* ⁴⁾, *стопы святыхъ* ⁵⁾, *дорогу къ небу* ⁶⁾ и т. п. Безъ сомнѣнія, опорой подобнаго гербоизъясненія было не иное что, какъ *положеніе означенныхъ эмблемъ въ природѣ*, положеніе въ такомъ мѣстѣ, которое почитается обиталищемъ Бога.

Всѣ приведенные сейчасъ примѣры герботолкованій заимствованы нами изъ эпиграммъ на клеймоды, писанныхъ стихами. Но стихотворная форма, подлежа опредѣленному размѣру, очевидно, не могла быть особенно благоприятнымъ проводникомъ діалектическихъ тонкостей и вообще схоластическаго развитія мысли. Писатели не могли въ эпиграммахъ ни высказать всего хода своихъ замысловатыхъ соображеній, ни блеснуть въ большихъ размѣрахъ своею ерудиціею. Поэтому герботолковательныя вирши еще не даютъ

¹⁾ См. начальные листы *Бесѣды Златоустаго на Дѣянія св. Апостолъ*, изд. 1624 г., въ Кіевѣ.

²⁾ См. эпигр. на клеймоду въ книгѣ *Лѣкарство на оспалый умыселъ човѣчій*, изд. 1607, въ Острогѣ.

³⁾ См. эпигр. на клеймоду въ *Евхологій* (требникъ), изд. 1646 г. въ Кіевѣ.

⁴⁾ См. эпигр. на клеймоду Копытенскаго въ *Толков. на апокалипсисъ* св. А. Критскаго. изд. 1625 г. въ Кіевѣ.

⁵⁾ См. начальн. листы *Бесѣды Златоустаго на дѣянія св. Апостолъ*, изд. 1624 г. въ Кіевѣ.

⁶⁾ См. эпигramму на клеймоду въ *Тріодіонъ*, изд. 1642 .., во Львовѣ

полнаго понятія о тѣхъ схоластическихъ ухищреніяхъ и діалектическихъ тонкостяхъ, какія были въ ходу между южно-рускими духовными писателями XVII в., здѣсь мы видимъ ихъ только, какъ бы въ зеркалѣ гаданій. Болѣе обширное поле для наблюденій надъ дрессировкою умственныхъ способностей тогдашней южно-русской учености по латино-польскимъ образцамъ представляютъ герботолкованія, писанныя прозою, гдѣ писатели, не стѣняемые опредѣленнымъ размѣромъ рѣчи, могли пускаться въ ходъ весь запасъ риторическихъ тонкостей, которыми такъ славилось то время ¹⁾.

Вотъ нѣсколько болѣе характерныхъ выдержекъ изъ герботолкованій, писанныхъ прозою.

Въ упомянутомъ нами панегирикѣ на память зешлаго къ Богу превелебнаго отца Сильвестра, Коссова (столпъ цнотъ) гербовый клейнодъ умершаго митрополита изъясняется слѣдующимъ образомъ: «Имѣлъ пашъ въ Бозѣ почившій пастырь сѣти пре-

¹⁾ Впрочемъ, не смотря на то, что стихотворная форма не позволяла писателямъ много блещать діалектическими тонкостями, герботолкованія писались болѣе стихами, нежели прозою. Причина этого заключалась въ томъ, что стихотворенія въ то время пользовались большею славою. «Книга сія, говоритъ Кириллъ Транквилліонъ въ началѣ одного своего сочиненія, писаннаго стихами, называется *Перломъ многоцѣннымъ для двохъ причинъ поважныхъ*—для высокаго разуму богословскаго и *сладкоглаголиваго языка риторскаго и для поэтичнаго художества*». Ритмъ, говорится въ другой, нѣсколько позднѣйшей, римованной книгѣ (Псалтири Семена Полоцкаго изд. 1680) *служъ и сердце улажждаетъ, и честь понуждаетъ*. Такимъ важнымъ значеніемъ пользовалась стихотворная форма въ южной Руси, благодаря вліянію Польши, гдѣ въ XVI и XVII стол. стихи были въ величайшемъ почетѣ и употребленіи: стихоплетствомъ тамъ занимался даже тотъ, кто, по выраженію Зиморовича *nie umie kozie zawiazać i chwostu* (Hist. lit. polsk. VII, 8).

мудрыхъ словесъ евангельскихъ, которыми ловилъ словесныхъ рыбъ; когда же посмотримъ на его гербовный клейнодъ и увидимъ тамъ за рѣшеткою льва ¹⁾, то уже такъ хотимъ разсуждать: такъ какъ левъ за рѣшеткою все равно, что за сѣткою, потому что сѣтка, въ особенности при Соломоновомъ столпѣ бывшая мѣдною, имѣетъ видъ рѣшетки,—то, не выступая изъ границъ справедливости, можемъ сказать о нашемъ пастырѣ, что онъ не только ловилъ рыбъ, но и львовъ въ пустынѣ». Еще замысловатѣе толкуется буква N, бывшая въ гербѣ Силвестра: «Само небо и земля приписывало нашему пастырю *звитязство* (побѣду); это показываетъ и stemma N, находящаяся въ его гербѣ, которая и до верху имѣетъ V и до низу A: до верху V означаетъ чтеніе земли говорящей—*vincis te vincis et hostem*; до низу A—чтеніе неба говорящаго: *vincis te vincis et hostem*—побѣждаешь себя, побѣждаешь и непріятеля». Большая часть посвятительной до архимандрита Іосифа Тризны предмовы, помѣщенной въ *Тріодіонъ* (изд. 1648 г., въ Кіевѣ) состоитъ изъ толкованія гербоваго клейнода этого духовнаго магната. Самый уже приступъ къ герботолкованію носитъ характеръ чисто схоластическій. «Въ библейскихъ книгахъ, такъ начинается посвященіе, мы читаемъ, что Іосифъ, сдѣлавшись господиномъ въ Египтѣ, отворилъ наполненныя житницы, чтобы хлѣбомъ тѣлеснымъ кормить людъ алчущій; и нашъ Іосифъ, ставши, по благодати Божіей, во святой, великой и чудотворной Лаврѣ Печерской намъ отцемъ и пастыремъ, отворяетъ literalную житницу, т. е. типографію здѣшнюю съ тѣмъ, чтобы кормить посредствомъ ея душевнымъ хлѣбомъ алчущихъ сыновъ православной церкви». За тѣмъ, исчисляя причины, побудившія поднести выпускаемую въ свѣтъ книгу Тризмѣ, посвящающіе—послушенцы монастыря Кіево-печерскаго—указываютъ, между прочимъ, на то, что ни одинъ клей-

¹⁾ Въ гербѣ Коссова левъ былъ за рѣшеткою.

Р И С У Н К И

ВЪ СОЧИНЕНІЮ:

«Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ
южно-русскихъ фамилій въ пропзведеніяхъ
духовныхъ писателей ХVІІ в.»

К І Е В Ъ.

Въ Литографіи Кіево-Печерской Лавры.

1872.

Печатано по опредѣленію Совѣта кievской духовной
академіи. Кіевъ. Сентября 27 дня, 1872 г.

Ректоръ академіи, *архимандритъ Филаретъ*.

рис. I.

Гербъ князей Острожскихъ, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа *Библіи*, изд. въ Острогѣ, 1581 г.

рис. II.

Гербъ Петра Могилы, какъ онъ изображенъ на обор.
заглавнаго листа *Поученій душеполезныхъ Аввы Дорошея*
изд. въ Кіевѣ, 1628 г.)

рис. III.

Гербъ Петра .Могилы, какъ онъ изображенъ на обор.
заглавнаго листа *Имнологіи* (изд 1630 г, въ Кіевѣ).

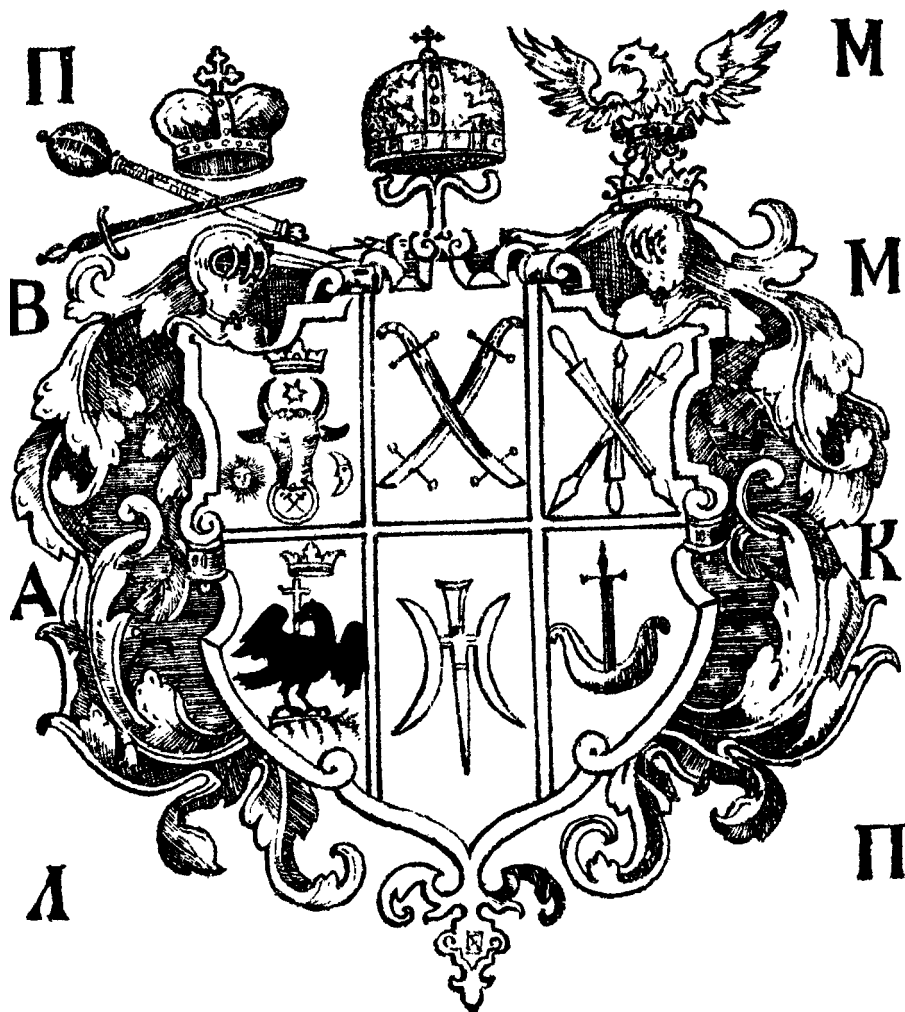

рис. IV.

Гербъ Петра Могилы, какъ онъ изображенъ на обор.
заглавнаго листа *Евхологіона* (Требника), изд. въ Кіевѣ, 1646 г.

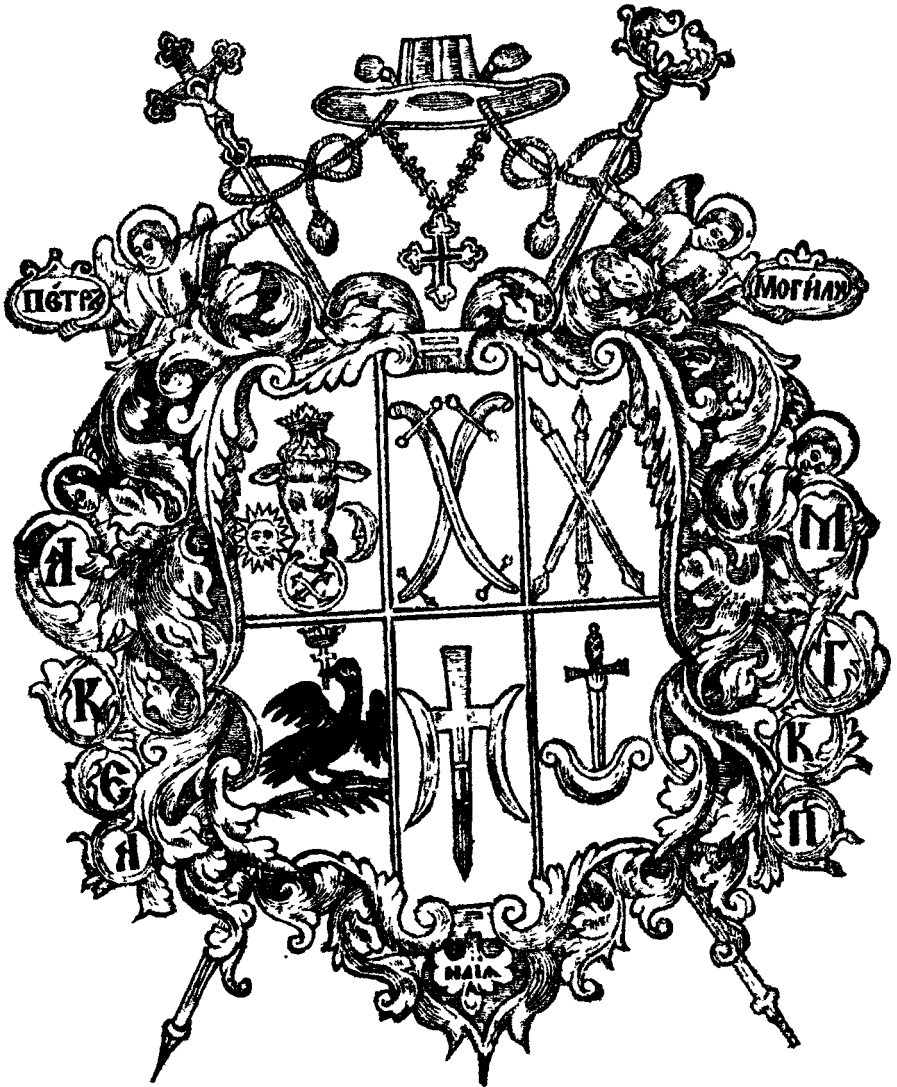
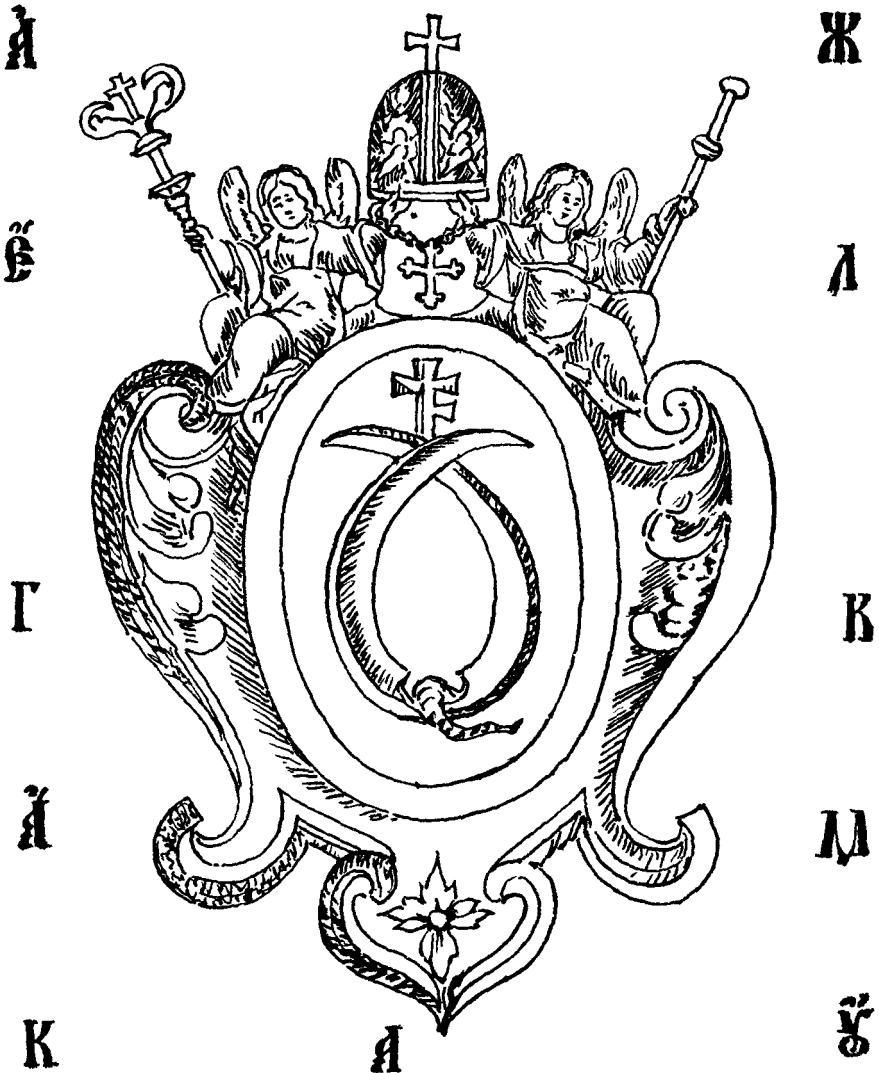

рис. V.

Гербъ пановъ *Жслиборскихъ*, какъ онъ изображенъ на
обор. заглавнаго листа *Ключа разумнiя*, изд. во Львовѣ, 1665 г.

Гербъ пановъ Стеткевичей, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа тѣхъ экземпляровъ *Евангелія Учительнаго* (изд. 1637г. въ Кіевѣ), которые были посвящены означеннымъ панамъ.

рис. VII

Гербъ пановъ Сіеткевичей, какъ онъ изображенъ на оборотъ заглавнаго листа *Апостола*, изд. 1630 г, въ Кіевѣ.

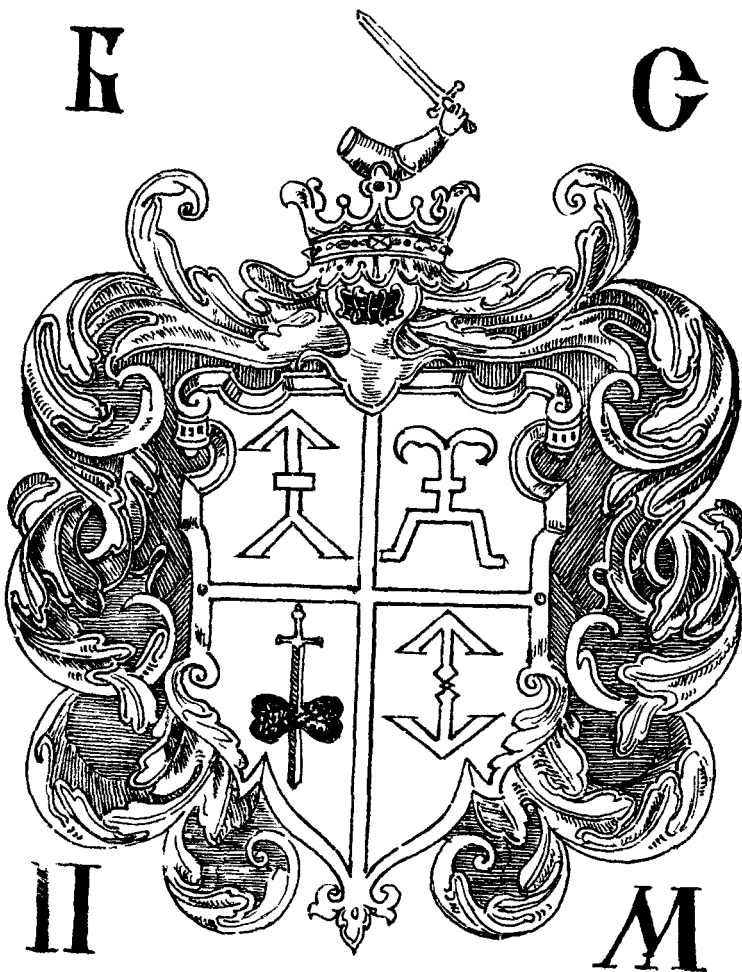

рис. VIII.

Гербъ князей Четвертинскихъ, какъ онъ изображенъ на обор. заглавнаго листа *Казанья погребовою* Оксеновича-Старушича (изд. въ Кіевѣ, 1641 г.)

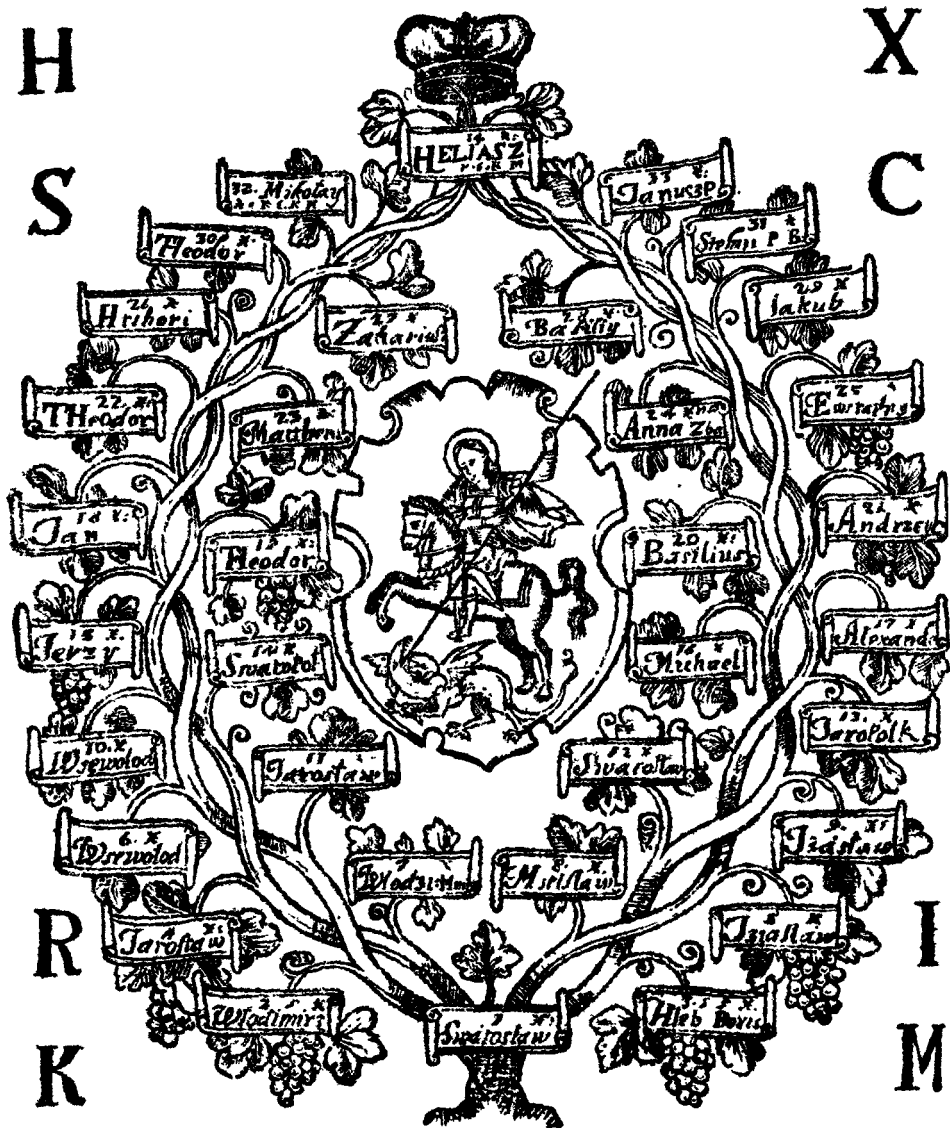

H

S

X

C

R

K

I

M

рис. X.

Героѣ Адама Киселя, какъ онъ изображенъ на оборотѣ
заглавнаго листа Paterikon' а Сильвестра Коссова (изд. 1635 г.,
въ Кіевѣ.)

рис. XI.

Гербъ пана Проскуры-Сущанскаго, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа тѣхъ экземпляровъ *Евангелии Учительнаго* (изд. 1637 г., въ Кіевѣ), которые были посвящены означенному пану.

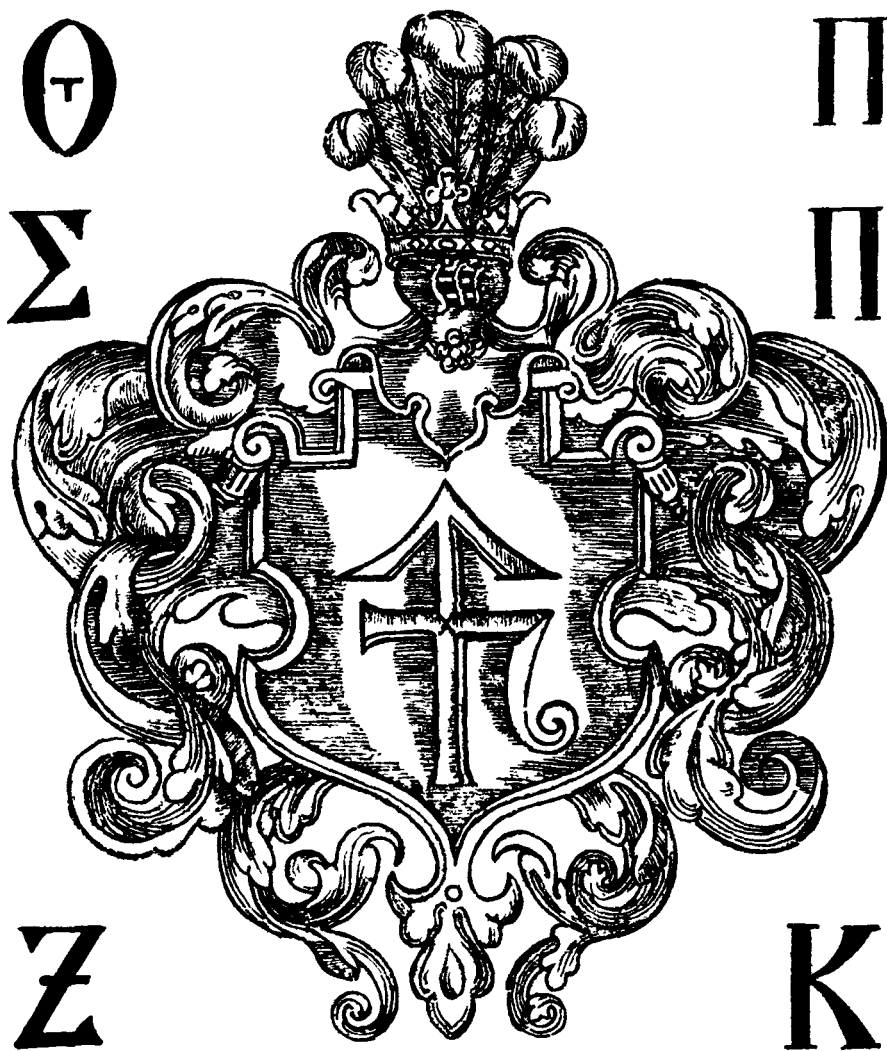

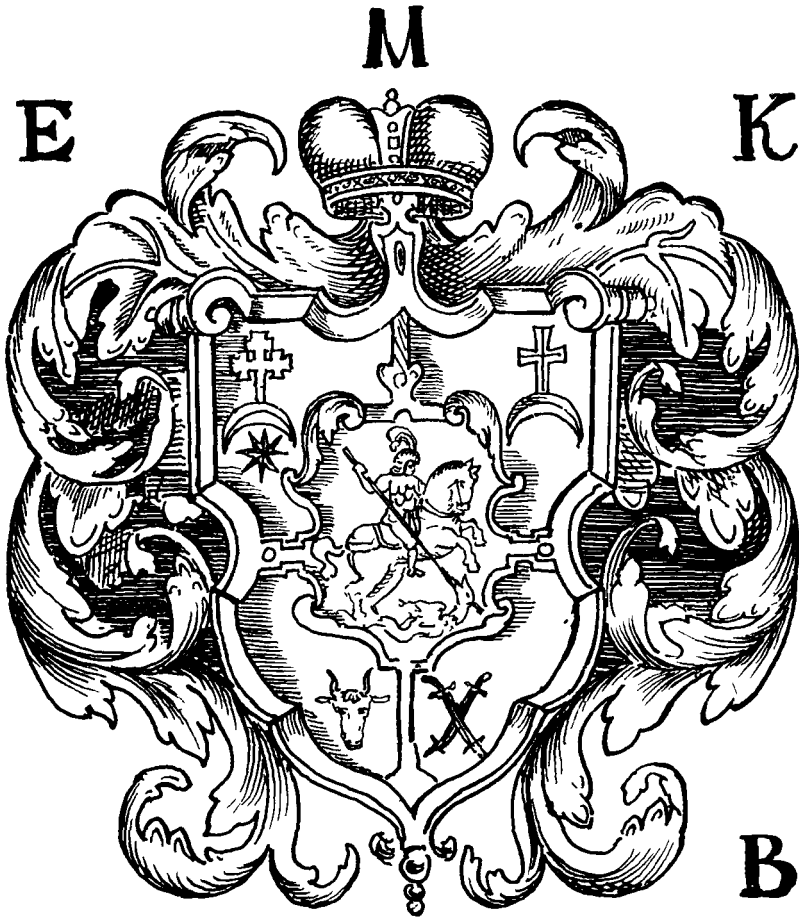
рис. XII.

Гербъ Іосифа Тризны, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа *Триодіона си есть Трипльснца*, изд. 1648 г. въ Кіевѣ.

рис. XIII.

Гербъ князей Вишневецкихъ, какъ онъ изображенъ на оборотѣ заглавнаго листа книги—*Крестъ Христа Спасителя и каждою челоуѣка* (изд. въ Кіевѣ, 1632 г.)

Гербъ пановъ Балабановъ, какъ онъ изображенъ на обор. заглавнаго листа *Евангелія Учительнаго*, изд. 1606 г., въ Крилосѣ.

рис. XV.

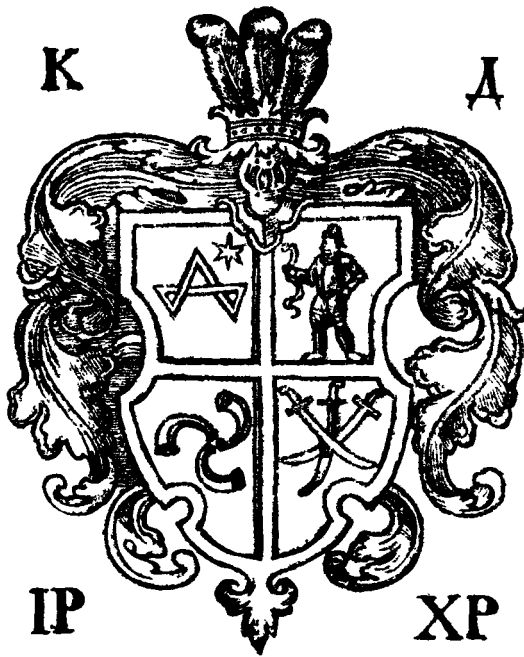
Гербъ пановъ Далматовъ, какъ онъ изображенъ въ начальныхъ листахъ *Толкованія на Апокалипсисъ*, св. Андрея Критскаго (изд. 1625 г., въ Кіевѣ.)

рис. XVI.

Гербъ пановъ Далматовъ, какъ онъ изображенъ въ начальныхъ листахъ *Бесѣды Златоустаго на Дьянія св. Апостола* (изд. 1624 г., въ Киевѣ.)

нодѣ не могъ такъ украсить ихъ труда, какъ Тризницкая лилія, потому что, говорятъ они, *«трава наша хлѣбомъ душевнымъ названа, а хлѣбу въ лиліяхъ великая оздоба (украшеніе)»*. Но такъ какъ не всякій легко можетъ домыслиться *что хлѣбови (душевному) зъ лиліи за оздоба*, то посвящающіе предлагаютъ такое относительно этого толкованіе: «хлѣбъ тѣлесный получаетъ похвалу отъ трехъ свойствъ (власностей) лиліи. Именно, хлѣбъ почитается хорошимъ, когда онъ, во первыхъ, чистъ и бѣлъ; во вторыхъ румянъ или допеченъ, и въ третьихъ вкусенъ (смаковать) и издаетъ пріятный запахъ. Безъ сомнѣнія, и хлѣбъ душевный тѣ свойства—бѣлизну, румянецъ и пріятность имѣетъ брать отъ лиліи. Спросимъ хорошихъ домохозяевъ, какъ они дѣлаютъ хлѣбъ бѣлымъ,—и конечно они намъ не укажутъ ни на какой иной способъ, какъ только на мытье пшеницы, просѣиванье и выкидыванье куколя. Такъ бываетъ относительно хлѣба тѣлеснаго; но и душевный хлѣбъ можно убѣлить не иначе, какъ только чрезъ омовенье покаянными слезами, выкидыванье грѣховнаго куколя, исповѣдь и очищеніе... Молитва—великое дѣло, она не только называется хлѣбомъ душевнымъ (потому что какъ хлѣбъ тѣло, такъ она душу людскую подкрѣпляетъ), но перѣдко именуется даже бесѣдою или разговоромъ съ Богомъ (Август. на Псал. 85; Псидоръ въ 3 кн. о наивышемъ добрѣ): но для того, чтобы воспользоваться молитвою, какъ хлѣбомъ душевнымъ или какъ бесѣдою съ Богомъ, необходимо очищеніе, или убѣленіе, по подобію лиліи. Если кто хочетъ приступить къ молитвѣ, то пусть припоминаетъ израильтянъ, которые когда (не сами разговаривали, но) только слушали Моисея бесѣдующаго съ Богомъ, были и сами чисты и одежды имѣли измытыми, потому что таково было, переданное имъ чрезъ Моисея, приказаніе Божіе, какъ читаемъ объ этомъ въ книгѣ Исходъ (гл. 3, 14). Поэтому, и сынъ православной церкви, желая вступить въ бесѣду съ Богомъ, повиненъ, чтобы одежды его *были яко крыны сельные*, какъ вос-

пѣвасть Дамаскинъ въ гимнахъ церковныхъ; по истинѣ повиненъ, потому что и самъ Богъ, желая всеобщаго очищенія чрезъ пророка Исаю повелѣваетъ: *измыйтеся и чисты будете* (1 гл.) Впрочемъ, когда приступаемъ къ молитвѣ, не одно только тѣло, но и душа должна быть убѣлена подобно лиліи,—иначе и самое моленіе не будетъ услышано, какъ свидѣтельствуешь о томъ свящ. Писаніе: *Вѣлы, яко грѣшника Богъ не послушаетъ*. (За тѣмъ идутъ свидѣтельства относительно этого предмета Златоустаго, Амвросія и Августина). Второе свойство лиліи, украшающее хлѣбъ душевный, т. е. молитву святую, есть, какъ мы сказали, румянность; ибо извѣстно, что въ бѣлыхъ лиліяхъ *сердущка зъ сродкувыникаючии огнистіе*. Сыны православной церкви! Если хлѣбъ душевный желаете имѣть румянымъ, то разжигайте свои сердца огнемъ милости Бога и ближняго, пусть онѣ будутъ у васъ *огнистіемъ* (слѣдуетъ текстъ). Остается сказать о третьемъ свойствѣ лиліи—пріятномъ вкусѣ и запахѣ; и это свойство служить къ украшенію хлѣба. Хорошъ бываетъ хлѣбъ тѣлесный, имѣющій пріятный вкусъ и запахъ, точно также хорошъ и душевный хлѣбъ, *запахъ посту и смакъ ялмужны* (милостыни) *выдаючій* (слѣдуетъ множество текстовъ)... Но мы сказали еще не все: лилія не только украшаетъ хлѣбъ душевный, но и научаетъ сыновъ православной церкви, какъ, получивши оный хлѣбъ, вести себя въ отношеніи къ его Подателю. Такъ, мы видимъ, что лилія самую красивую свою частію оборачивается къ небу и солнцу; этимъ она какъ бы отдаетъ означеннымъ предметамъ свою благодарность, потому что всѣ, перечисленные нами, свойства лиліи получаетъ отъ Бога и солнца. Поэтому и сыны православной церкви пусть учатся благодарности у лиліи, пусть полученное отъ Бога не обращаютъ на низъ, не забываютъ о немъ, но, держа въ сердцѣ и доброй памяти, всегда устремляютъ свои благодарственные очи къ Подателю всякаго блага. (Слѣдуетъ свидѣтельство Сенеки и Цицерона о великомъ значеніи благодарности)»...

Мы кончили. Подведемъ итогъ всему нами сказанному.

I. Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ въ южно-русской духовной литературѣ XVII в. не было явленіемъ само-бытнымъ, свободнымъ отъ чуждыхъ элементовъ; но привилось къ ней чрезъ вліяніе сосѣдственной Польши, гдѣ, вслѣдствіе обоженія честолюбивою польскою шляхтою своихъ клейнодовъ, герботолкованія были въ большемъ почетѣ и ходу.

II. Проводниками вліянія польской герботолковательной литературы на южно-русскую были—съ одной стороны дворянство литовско-русскихъ земель, послѣ соединенія сихъ послѣднихъ съ Рѣчью Посполитою, проникавшееся шляхетско-польскими теоріями и обзаводившееся гербовыми клейнодами, а съ другой—туземное духовенство, отправлявшееся для завершенія своего образованія въ Польшу и знакомившееся тамъ и съ тою панегирическою литературою и съ тѣмъ подхлѣбствомъ, какія процвѣтали въ іезуитскихъ коллегіяхъ.

III. Южно-русскіе духовные писатели XVII в., (подобно польскимъ) смотрѣли на герботолкованія съ утилитарной точки зрѣнія, какъ на хлѣбное ремесло, вслѣдствіе чего и старались подерживать это, занесенное изъ Польши, литературное явленіе, придавая ему весьма важное значеніе.

IV. Герботолкованія, какъ въ Польшѣ, такъ и въ южной Руси были не чѣмъ инымъ, какъ панегириками шляхетскимъ клейнодамъ и фамиліямъ, ихъ имѣвшимъ, гдѣ за исходную точку панегиризма брались гербовые атрибуты и уже къ нимъ, такъ или иначе, прицѣплялась, сообразная съ желаніями автора, похвала.

V. Самыми существенными элементами, составлявшими содержание герботолкованій въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в., были—прославленіе старожитности,

благородства происхожденія и религіозно-воинственныхъ доблестей,—прославленіе такихъ качествъ и достоинствъ, которыя почитались въ южной Руси того времени особенно цѣнными.

VI. Въ формальномъ отношеніи рассматриваемая нами отрасль южно-русской духовной литературы XVII в.: носить на себѣ явные слѣды акробатической руки схоластики.

Степанъ Голубевъ.

